Гросспираты

Аркадий Иосифович Полторак

SHOUT
SHARE
IT

- Гросспираты
  - Заранее и хорошо продуманная линия
  - Протокол Госсбаха и «трагические заблуждения» Редера
  - Пока фюрер искал предлог...
  - Редер торопится «опередить противника»
  - Достойный ученик
  - Разбой на морях
  - Главком или почтальон?
  - Для чего понадобились темные очки?
  - Тишайший Редер
  - Что оспаривал судья Фрэнсис Биддл
- notes
  - 1
  - 2

Гросспираты

Заранее и хорошо продуманная линия

Когда—то Лев Толстой высказал мысль, что нет абсолютно злых и абсолютно добрых людей. Как реки в своем течении бывают чаще широкими, чем узкими, или чаще узкими, чем широкими, так и люди оказываются чаще злыми, чем добрыми, или чаще добрыми, чем злыми. И действительно, жизнь даже самого страшного преступника — не просто прямая и сплошная линия нанизанных одно на другое преступлений. Она подчас извилиста и на своих изгибах может иметь нечто такое, что чисто внешне представляется отступлением от обычного его поведения. Это почти неизбежно, так как всякая жизненная линия складывается не сама по себе, а под определенным воздействием многих сил и поступков других людей.

Я невольно задумывался над этим, наблюдая в ходе Нюрнбергского процесса за усилиями корпуса защиты. Как только не изощрялись господа адвокаты, если в лабиринте страшных преступлений им удавалось набрести на факт, который можно было истолковать в пользу подзащитных, представить в виде доказательства «добропорядочности» и «гуманности».

Нацистская элита сеяла зло годами и в масштабах целых континентов, но и ее представителям на своем мрачном пути случалось иногда обронить песчинку добра. Вот почему Геринг мог привести отдельные примеры, когда его личная точка зрения в каком—то вопросе не совпадала с точкой зрения Гитлера, хотя в основном и главном они сходились, а Розенберг в чем—то не соглашался с Гиммлером, и в бесконечной цепи его преступлений на оккупированных советских территориях промелькнул вдруг такой эпизод, когда он якобы спас от гестаповской расправы нескольких актеров Винницкого театра.

Бывшие руководители военно—морских сил «третьего рейха» гросс—адмиралы Редер и Дениц не представляли исключения из этого правила. По конкретным обстоятельствам широко разветвленного заговора и разделению ролей, свойственных каждому отдельному его участнику, они выглядели порой не так зловеще, как их соседи по скамье подсудимых. Здесь вступало в действие общее для всех групповых уголовных дел положение. В таких случаях на скамье подсудимых всегда есть подсудимые основные, второстепенные и, так сказать, центр— середина между ними. На жутком фоне содеянного теми, кто предстал перед Международным трибуналом в Нюрнберге, эти грани оказались

трудноразличимы: тысячной доли совершенных преступлений, в которых

изобличались подсудимые, было более чем достаточно, чтобы открыть дорогу на эшафот каждому из них. Ведь это был процесс главных нацистских военных преступников. Тем не менее грани существовали, и защита упорно стремилась их показать в наиболее выгодном для подзащитных свете.

...Март 1945 года. Крах нацистской Германии уже ясен не только союзным странам, он очевиден и для самого Гитлера. Но фюрер еще ведет азартную игру: отдает приказание своим министрам, видным чиновникам, фельдмаршалам и адмиралам покинуть Берлин и эвакуироваться в области предполагаемой оккупации войсками западных стран.

Господа министры быстро воспользовались этой возможностью. Некоторые из них улизнули еще до распоряжения Гитлера. А вот Редер не покинул Берлин. Позднее, будучи уже в плену, он дал такие письменные показания:

«В конце марта 1945 года стало ясно, что Берлин рано или поздно будет занят Красной Армией. Мне сообщили по телефону, что ставка фюрера и сам фюрер находятся в Берлине и здесь останутся. Я позвонил дежурному в ставке вице—адмиралу Фоссу и сообщил ему, что тоже намерен остаться в Берлине».

— Ну и что? — скажет читатель. — Еще один пример фанатической преданности Гитлеру, готовности умереть вместе с ним в берлинском мешке.

Не в этом дело. Редер пишет в своих показаниях, что он доложил в гитлеровскую ставку о твердом решении «остаться в Берлине и в случае его оккупации». Можно, конечно, усомниться в правдивости этого заявления. Ведь Гитлер в те страшные для него дни мог быстро расправиться со вчерашним своим фаворитом, не хуже, чем Муссолини с обожаемым зятем и министром иностранных дел Италии Чиано.

Но для нас здесь важно другое. Показывая так, Редер как бы говорил своим обвинителям: я со спокойной совестью отдавал себя в руки союзников, ибо не чувствовал за собой никакой вины. Пусть бегут те, на ком отметины нацистских преступлений, чьи имена ассоциируются с СС, СД, гестапо, концлагерями, газовыми камерами. Редер свободен от всего этого. А раз так — ему нечего бежать от тех, кто ищет не просто немцев, а немцев—преступников.

Редер, конечно, не исключал, что в пылу политических страстей и общественного гнева его тоже могут призвать к ответу, однако действия свои на службе германскому государству не считал преступными. Он не говорит о службе нацистскому

государству. Он подчеркивает — германскому.

Редер согласен с тем, что нацисты и Гитлер — это исчадие ада, позор Германии. Но сам—то он человек военный и участие в войне — его профессиональная обязанность. Вот он и участвовал, как до него это делали многие поколения близких и родных ему немцев. Участвовал и в первой, и во второй мировых войнах. Только участие—то его (и это самое главное!) ничего общего не имело с преступлениями фашистов и не состоит ни в какой связи с их заговором против человечества.

Редер все время старался убедить суд в исключительности своего положения на нюрнбергской скамье подсудимых и, казалось, не сомневался, что судьи в конце концов поймут это. Не потому ли даже в качестве защитника для себя он предложил не профессионального адвоката, а старого товарища, бывшего имперского военного министра Гесслера...

Ну, а как повел себя перед Международным трибуналом другой гросс—адмирал?

...6 ноября 1945 года. Начальник следственной части советской делегации Георгий

Николаевич Александров допрашивает Деница. Обвиняемому предъявляются некоторые директивы ОКВ о зверствах: требуется выяснить его осведомленность об этих документах, личное участие в их исполнении. Карл Дениц глубоко возмущен этим. Не раз он уже говорил, не раз еще скажет, что надо наконец перестать путать германский флот с СС, с полицией. Пора бы знать из многовековой истории, что благородные рыцарские традиции моряков германского флота не способен поколебать даже нацистский режим.

Чтобы читатель смог отчетливее представить себе линию поведения Карла Деница, лучше всего привести здесь выдержку из протокола допроса:

«Александров. Ознакомились? (имеются в виду директивы ОКВ. — А. П.)

Дениц. Я бегло просмотрел.

Александров. Как вы расцениваете подобные директивы?

Дениц. Я не хочу давать об этом показания. Я вижу эти директивы впервые и не знаю причин, которые их вызвали.

Александров. А вне зависимости от причин у вас может быть свое мнение о содержании этих директив?

Дениц. Я не желаю об этом говорить.

Александров. Не считаете ли вы издание... директивы, касающейся уничтожения города Ленинграда, грубым нарушением международных обычаев и правил ведения войны?

Дениц. Я не желаю давать на это ответ...»

Каждым своим словом, каждым жестом бывший гросс-адмирал недвусмысленно давал понять следователю: задавайте такие вопросы кому подобает, а если вопреки логике вы предпочитаете задавать их мне, то не удивляйтесь моему к ним отношению.

Дениц возмущался даже самим фактом привлечения его к судебной ответственности. Когда ему дали для ознакомления текст обвинительного заключения, он не преминул начертать на нем: «Типичный американский юмор».

Все это и многое другое делалось, разумеется, с определенной, заранее и хорошо продуманной целью. Сами—то гросс—адмиралы отлично сознавали, за что держат ответ перед Судом Народов. Но они твердо решили любыми средствами торпедировать выводы обвинения. Благо, в их распоряжении такие способные адвокаты, как доктор Зиммерс и доктор Кранцбюллер.

Редера обвиняют в том, что он активно участвовал во всеобъемлющем заговоре против мира. Редер не спорит, возможно, такой заговор и существовал. Однако какое большое заблуждение полагать, будто в этом деле участвовал офицерский корпус. Вниманию высокого суда предлагается уже известный тезис — политика была прерогативой партии и нацистского правительства, а отнюдь не военных людей. Не верят подсудимым, пусть поверят свидетельству начальника штаба американской армии генерала Маршалла! Это по его просьбе Эйзенхауэр организовал изучение вопроса о роли германских военных деятелей в гитлеровском военном заговоре. Доктор Зиммерс любезно предъявляет трибуналу копию сообщения Маршалла американскому президенту. Там ясно сказано: «Нет доказательств того, что германское командование имело единый всеобъемлющий стратегический план... Неистовая стратегия Гитлера превысила германские военные силы и привела к поражению Германии». Германские генералы понимали всю авантюристичность политики Гитлера и потому в меру своих возможностей противились ей. Защита обращает особое внимание членов Международного трибунала на следующий весьма важный вывод Маршалла, которого трудно, конечно, заподозрить в намерении необоснованно снять со своего вчерашнего врага ответственность за войну: «История германского верховного командования с 1938 года является переплетением постоянных разногласий и споров, в которых личные приказы Гитлера во все возрастающей степени берут верх над мнением военных начальников». Споры эти, оказывается, происходили и потому, что военные начальники, в том числе Редер и Дениц, считали

армию и военно—морской флот Германии не готовыми к большой войне. На процессе Дениц заявил:

— То, что мы не были подготовлены для ведения морской войны с Англией, всего ясней и лучше видно из того, что вооружение военно—морских сил в начале войны надо было в корне изменить...

Да и вообще диктатура, мол, исключает какую бы то ни было самостоятельность и свободу тех, кто ей служит! Этот тезис особенно старательно развивал в своей речи в защиту Редера его адвокат доктор Зиммерс:

— Точно так же, как сто тридцать лет тому назад не могло возникнуть мысли о том, чтобы предать суду адмирала, выполнявшего приказы диктатора Наполеона, так и теперь нельзя осудить адмирала, выполнявшего приказы диктатора Гитлера. Как раз при диктатурах не только уменьшается власть и влияние военного начальника, но и снижается его ответственность, ибо диктатор держит всю полноту власти в своих руках. Но именно поэтому он берет на себя и всю ответственность.

Адвокат не сомневается в широкой эрудиции господ обвинителей и судей, но все же считает необходимым напомнить им известное высказывание Густава ле Бона, характеризующее возможности «вождей»:

«Настойчивая воля, которой они обладают, является исключительно редким и исключительно сильным качеством, подчиняющим себе все. Не всегда можно даже представить себе, на что способен человек с сильной волей. Ничто не противостоит ей: ни природа, ни боги, ни люди».

Редер с большим интересом наблюдал за доктором Зиммерсом и с трудом сдерживал восхищение. Долгие годы нацистского режима свели на нет искусство адвоката: когда судебная процедура была заменена гестаповской расправой, отпала всякая необходимость в услугах этих людей. И как это ни парадоксально, адвокатская профессия стала возрождаться в Западной Германии именно с Нюрнберга, именно с защиты тех людей, которые подавили и в сущности ликвидировали в Германии институт судебной защиты.

Доктор Зиммерс не уходил от сложных и острых вопросов. Сделав попытку убедить судей в том, что Гитлер подавлял волю подчиненных, заменив ее своей, адвокат заходит с другой стороны:

— Является ли долгом солдата выступать с протестом, открыто восставать? На это каждый военный начальник во всем мире и вообще всякий человек даст отрицательный ответ. Исключение может составить только приказ диктатора,

заставляющий совершить преступление...

Развив подробно этот тезис, Зиммерс заключил свою аргументацию ссылкой на то, что Редер — глубоко религиозен:

— Человек, который верит в бога, не может совершать преступления, а солдат, который верит в бога, не может быть военным преступником.

Но Редер все же пошел на службу к нацистам, совершившим самые чудовищные преступления?

Так ведь это теперь, в 1945 году, в зале нюрнбергского Дворца юстиции мир получил наконец бесспорные доказательства фашистских злодеяний. Нельзя же забывать, как выглядел Гитлер в глазах немцев в 1933 году. А ведь именно в то время Редер дал согласие служить Гитлеру. Дал потому, что получил от последнего заверение: возглавляемая им Германия будет проводить политику мира. И очень скоро последовали убедительные доказательства честности этих заверений: уже в 1935 году Гитлер заключил соглашение с Англией, которое никто не мог расценивать иначе, как выражение стремления Германии быть в мире и дружбе с этой страной.

Да, конечно, у «третьей империи» существовали определенные споры с другими державами. В том числе и территориальные. Все дело, однако, в том, что решались они без кровопролития, мирным путем. Так было с Австрией, так было с Чехословакией...

Редер очень доволен своим адвокатом. Но и доктор Зиммерс должен признать, что никакой другой подсудимый не сделал такого значительного вклада в дело защиты, как Редер.

Каждый из тех, кто предстал перед Международным трибуналом, мог вызывать свидетелей. Этим правом воспользовались и гросс—адмиралы. Только с большей, чем другие, осмотрительностью. Их адвокаты Зиммерс и Кранцбюллер уже имели возможность наблюдать трагические ситуации, когда свидетели защиты усилиями обвинителей превращались в свидетелей обвинения, а иные документы, представленные подсудимыми, превращались в весьма своеобразные и малоприятные бумеранги.

Читатель хорошо знает также, сколь антагонистическими были отношения между подсудимыми. Это неизбежно передавалось и защите. Трудно забыть скандальную сцену между адвокатами Геринга и Шахта. А— итог всегда был один — выигрывало на этом только обвинение.

За несколько месяцев процесса адвокаты адмиралов, да и их подзащитные, научились многому. Они действовали солидарно, зорко вглядываясь в обстановку, складывавшуюся на процессе, а

еще больше в обстановку за стенами Дворца юстиции. Исподволь готовились контрдоказательства особого рода, такие, какие не под силу собрать ни одному другому адвокату. Придет время, и они выложат свои козыри на судейский стол. А пока — терпение и последовательность.

Определенные надежды защиты возлагаются на адмирала Шульте—Монтинга — моряка кайзеровских времен. Этот человек уже много лет знает Редера. Доктор Зиммерс убежден и хочет, чтобы суд поверил ему, что этот «старый моряк» свободен от груза нацизма и рассматривает поражение фашизма как свою собственную победу. А уж «старый моряк» своими показаниями будет убеждать убеленных сединой членов Международного трибунала в том, что и для Редера день суда над всей этой бандой, сидящей на скамье подсудимых, — это самое яркое выражение господней воли. Жаль, конечно, что и Редера каким—то ветром занесло на эту скамью. Но ведь на то и суд, чтобы внести ясность...

Ряду весьма важных свидетелей доктор Зиммерс направил опросные листы. Их получили, в частности, вице—адмирал Ломан Вальтер, рейхсминистр в отставке Карл Зеве—ринг, генерал—адмирал Альбрехт, работавший с Редером с 1926 года, бывший статс—секретарь Вайзцеккер. Они должны были рассказать суду о том, что Эрих Редер отрицательно относился к агрессивной войне, что строившийся под его руководством военно—морской флот предназначался только для целей обороны, что между Редером и Гитлером неизменно возникали разногласия и в спорах с фюрером гросс-адмирал всегда занимал позицию мира, а не войны, что Редер был решительным противником вооруженного столкновения с Советским Союзом.

Это все свидетельства политиков о политике, военных о военном. Но доктор Зиммерс сознает, что после стольких лет господства нацизма и милитаризма вера даже в таких свидетелей поколеблена. Поэтому он счел не лишним опереться и на других людей, чья репутация даже для судей Международного трибунала выглядит безупречно. У свидетельского пульта — госпожа Ганнеле фон Позер. Первым делом она сообщает суду, что не находится в родстве с гросс—адмиралом Редером и что никакого отношения не имеет ни к нацистской партии, ни к ее организациям. Сняв с себя таким образом всякие подозрения в необъективности, свидетельница продолжает:

— Я правнучка умершего в тысяча девятьсот сороковом году бывшего начальника морского кабинета адмирала фон Мюллера, который известен своими либеральными взглядами. До своей смерти он был в тесной дружбе с гросс—адмиралом Редером …

Незадолго перед войной переписывался с одним английским адмиралом, сетуя на немыслимое обхождение с евреями. Как член … церкви, он просил Редера вступиться за пастора Нимёллера, и Редер всячески пытался освободить последнего. … Гросс-адмирал с беспримерным мужеством заступался за старых служак военно—морского флота, даже если они были опасными противниками национал—социалистского режима.

Свидетельница понимала, что при всем том Редера компрометирует один упрямый факт: служба нацизму вплоть до того, как «третья империя» достигла кульминационной точки своего успеха. Но Ганнеле фон Позер и этому находит объяснение, по странной игре случая полностью совпавшее с трактовкой данного вопроса адвокатом Зим—мерсом и самим Редером:

— Из—за верности начальству в христианском смысле Редер лояльным образом продолжал работать дальше и выполнять свои задачи также и при Гитлере. Но я знаю, что он в течение многих лет пытался уйти в отставку со своего поста и был в отчаянии, что это ему не удавалось, особенно с момента начала войны.

И чтобы уж до конца прояснить позицию Редера в отношении Гитлера и фашистского государства, свидетельница доводит до сведения суда, что однажды в разговоре с ней гросс-адмирал заявил:

«Я говорю «хайль Гитлер» только тем людям, которые мне не симпатичны».

Ганнеле фон Позер хочет, чтобы высокий трибунал, заседающий в старинном немецком городе Нюрнберге, поверил ей, что все ее показания о Редере — долг перед памятью дедушки, «который, если бы он еще жил, всеми своими силами вступился бы за этого скромного, благородно мыслящего и верного товарища».

Долгие месяцы процесса уже убедили Редера в том, что судьи с солидной долей скепсиса выслушивают некоторых свидетелей. Но эта дама, эта почтенная дворянка, с его точки зрения, не могла не произвести на них самого лучшего впечатления.

А вот еще один подобный свидетель. Нет, это не адмирал, не дипломат, не какой—нибудь министерский чиновник. Это человек, посвятивший себя науке, профессор Роберт Зейбт. Он сообщает суду:

— Мое знакомство с господином Редером начинается с последних классов гимназии. Качества, которые отличали его тогда, в основном были те же, которые характеризовали всю его последующую жизнь, — природное благородство, сдержанность, с одной стороны, и с другой — отзывчивость и доброта…

Свидетель готов поручиться за то, что Редер не нацист по своим убеждениям. Это начисто и ключалось его воспитанием, всем укладом, который царил в его доме:

— За семейным столом господина гросс—адмирала даже в присутствии гостей совершалась молитва: «Приди, Иисус, будь нашим гостем и благослови все то, что ты нам даровал».

Далее профессор разъясняет суду, что в гитлеровской Германии среди принципов, отличающих нациста от ненациста, одним из первых был расовый принцип. Человек, не исповедовавший антисемитизм, всегда рассматривался как враг нацистской идеологии. А гросс-адмирал Редер не только был чужд самой идее антисемитизма, но всеми силами старался помочь жертвам этой нацистской политики. Конечно, и другие подсудимые могли привести в качестве оправдывающего обстоятельства ссылку на то, что они где—то, когда—то спасли того или иного еврея. Но для Геринга или Риббентропа это было своего рода эксцессом, не укладывавшимся в обычные рамки их поведения. Для Редера же антисемитизм был неприемлем принципиально. Для него существовала лишь одна идеология — идеология глубоко верующего человека, идеология Христа.

Стремясь подкрепить эту мысль, адвокат представляет письменные показания евангелического священника службы разминирования Фридриха Августа Роннебергера, который утверждает, что Редер был энергичным противником установления господства нацизма над церковью:

«Его недвусмысленное отношение к этому выразилось в словах, с которыми он обратился 1 декабря 1937 года к одному морскому священнику: «В ваши задачи не будут входить рассуждения относительно духовных течений настоящего времени, возникших после прихода к власти национал—социализма и породивших борьбу между политикой и церковью. Вы, как духовное лицо, должны прославлять Христа. Но со всей серьезностью и без всякого компромисса. Не уставайте никогда этого делать».

Что можно сказать по поводу таких и многих аналогичных доказательств, представлявшихся защитой на Нюрнбергском процессе? Не следует забывать, что все это происходило вскоре после окончания войны, вошедшей в историю страшными зверствами гитлеризма. На скамье подсудимых сидели те, которые называли себя государственными деятелями, а фактически были организаторами всех этих зверств. И вдруг свидетельства приверженности их к миру, свидетельства человечности, христианского смирения и заботы о ближнем. Это казалось невероятным, противоестественным.

И тем не менее это было.

Протокол Госсбаха и «трагические заблуждения» Редера

Если очень коротко характеризовать стратегическую линию доктора Зиммерса, то она сводилась в основном к следующему: не выражать сомнения в том, что гитлеризм замышлял агрессивные войны, но всячески доказывать, что Редер об этом осведомлен не был. Прием не слишком оригинальный, если учесть, что до Редера был допрошен добрый десяток других подсудимых, почти каждый из которых в той или иной форме прибегал к нему. Впрочем, доктор Зиммерс решил внести некую свежую струю.

Адвокат гросс—адмирала успел заметить: едва только какой-нибудь подсудимый ссылался на то, что, идя на службу к нацистской клике, он не знал, насколько последняя исповедует религию войны и готова ввергнуть Германию в агрессивные акции, обвинитель моментально сражал лжеца. Ему напоминали, что об этом и гадать не следовало — еще за десять лет до прихода нацистов к власти появилась книга «Майн кампф» и там Гитлер достаточно полно изложил свою агрессивную программу. После такого разъяснения деваться было некуда. А вот Зиммерс отыскал все же лазейку. Терпеливо выслушав уже известный довод обвинения, он уверенно возразил:

— Гитлер написал эту книгу как частное лицо, как член оппозиционной партии... Редер, как и любой другой, мог рассчитывать на то, что в качестве имперского канцлера Гитлер не будет защищать все те партийные доктрины, которые он несколько лет тому назад выдвинул из чисто оппозиционных соображений...

Дальнейшие рассуждения адвоката имели своей целью доказать, что его клиент, много лет служивший Веймарской республике, конечно же, был воспитан на этакой парламентской игре правящих и оппозиционных партий. И в данном случае такая игра якобы действительно имела место. Стоило Гитлеру прийти к власти, как он уже в 1933 году заявил, что «основа его политики будет заключаться в том, чтобы мирным путем превратить Германию в здоровое и сильное государство». Спору нет, на определенном этапе, в 1938 году, Гитлер круто изменил курс «и стал тем самым виновным в трагической судьбе Германии». Но Редер, разумеется, не мог предполагать этого. Редер — человек военный, не политик. Люди куда более искушенные в распознавании подлинного лица государственных деятелей, в

умении видеть за их словами дела и тс не смогли в первые годы «третьей империи» дать Гитлеру правильную оценку.

Адвокат сослался на Уинстона Черчилля, политическая проницательность которого не вызывает сомнений. А между тем именно Черчилль в 1935 году в своей книге «Великие современники» написал такие строки:

«Невозможно дать справедливую оценку какой—либо личности в общественной жизни, которая достигла необычных размеров личности Адольфа Гитлера, прежде чем перед нами не будет всего жизненного труда этого человека... Мы не можем сказать, явится ли Гитлер тем человеком, который еще раз развяжет мировую войну, в которой цивилизация невозвратимо шагнет назад, или он войдет в историю как человек, который восстановил честь и миролюбие великой германской нации и ввел ее в первые ряды европейской семьи народов сильной, жизнерадостной, готовой к помощи другим».

Доктор Зиммерс не обошел своим вниманием панегирические отзывы о фюрере и других видных государственных деятелей Запада. Вспомнил, в частности, известное соглашение Гитлер — Чемберлен в 1938 году в Мюнхене. И заключил все это негодующим вопросом: можно ли требовать, чтобы гросс—адмирал, который никогда не был политиком, а всегда оставался солдатом, оказался бы более дальновидным в оценке Гитлера, чем «великие британские государственные деятели Чемберлен и Черчилль»?

Адвокат великолепно отдает себе отчет в том, что Редера судят не просто за службу нацистскому фюреру, а за то, что он принимал активное участие в военном планировании. Но, признавая это, доктор Зиммерс считает своим долгом заметить: составление стратегических планов само по себе не может считаться наказуемым, оно имеет место в любой стране. И в любой стране командующий одной из составных частей вооруженных сил не знает и не может знать, с какой целью политическое руководство использует когда-нибудь разработанный им план: для агрессивной или для оборонительной войны.

Аргументация Зиммерса не лишена была бы убедительности, если бы в распоряжении обвинителей не оказалось ряда любопытных документов, и в том числе так называемого «Протокола Госсбаха». При наличии их не требовалось ни слишком больших усилий, ни слишком много времени, и, я бы даже сказал, не понадобилось прокурорской изобретательности, чтобы начисто погасить пламя адвокатского возмущения. Госсбах — полковник вермахта и личный адъютант Гитлера. Он вел

протокол совещания, состоявшегося в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 года, а потому документ и назывался «Протоколом Госсбаха». Вот как выглядит начало протокола:

«Берлин. 10 ноября 1937 г. Заметки на совещании в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 года с 16 час. 15 мин. до 20 час. 30 мин. Присутствовали: фюрер и рейхсканцлер, германский военный министр генерал—фельдмаршал фон Бломберг, главнокомандующий генерал—полковник фон Фрич, главнокомандующий флотом генерал—адмирал д-р Редер, главнокомандующий воздушным флотом генерал—полковник Геринг, имперский министр иностранных дел Нейрат, полковник Госсбах».

Далее указывается, что Гитлер просит участников совещания, чтобы заявления, которые он намерен сделать здесь, «рассматривались», в случае его смерти, как его последняя воля и желание». По мнению фюрера наличие значительного немецкого населения в Европе «оправдывает требование захватить большее жизненное пространство в сравнении с любой другой нацией».

Гитлер говорит без обиняков: «Будущее Германии поэтому зависит исключительно от разрешения вопроса о жизненном пространстве... Перед Германией стоит теперь вопрос о том, где можно ценой наименьших потерь добиться максимального результата».

Может быть, фюрер выражал сомнение относительно средств, при помощи которых следует решать эту проблему? Отнюдь нет. Он утверждает категорически: «Германский вопрос может быть решен только путем применения силы, и это никогда не обходится без риска». Развивая затем программу захватов и последовательности ее осуществления, Гитлер отмечает, что первоначальная цель «должна заключаться в одновременном захвате Чехословакии и Австрии...»

Итак, Редер, находясь на совещании в числе наиболее близких сановников Гитлера, мог лично убедиться, насколько изменились политические взгляды фюрера после прихода к власти по сравнению с его же взглядами, обнародованными в книге «Майн кампф». Что и говорить, «Протокол Госсбаха» оказался не лучшим подтверждением версии защиты, будто Редер и понятия не имел о нацистском заговоре против мира.

Но Редеру тем не менее казалось, что он уже авансом обезвредил этот документ. Явно имея в виду выступление Гитлера на совещании 5 ноября 1937 года, предусмотрительный гросс-адмирал заявил однажды в своих показаниях суду:

— Я хочу еще сказать несколько слов о манере Гитлера произносить речи, ибо здесь еще будет предъявлено несколько

речей Гитлера... В той же мере, в какой он был мастером диалектики, он был и мастером блефа... он давал свободу игре своей фантазии...

Этот тезис был подхвачен защитой. Доктор Зиммерс поспешил обратить внимание суда на то, что явные противоречия, прослеживающиеся в самой речи Гитлера, а главное противоречие гитлеровских постулатов с обстановкой, сложившейся в действительности, как раз и являются свидетельством правоты утверждений Редера: нельзя, мол, всегда и во всем всерьез принимать многочисленные высказывания фюрера. В самом деле, на совещании 5 ноября 1937 года Гитлер говорил о необходимости решительного военного удара по Австрии и Чехословакии, а на деле никакой войны, никаких военных действий не произошло. Вместо этого — «полюбовное» соглашение, мирное вступление германских войск в эти страны.

Защита и сам Редер приводят и другие примеры подобного же характера. Они делают все, чтобы убедить суд, будто речь Гитлера на секретном совещании 5 ноября 1937 года ни при каких обстоятельствах нельзя рассматривать как программу политики, а тем более заговора.

Защита настойчиво обращает внимание судей и еще на одно обстоятельство. «Протокол Госсбаха» это не стенограмма совещания, а лишь запись, сделанная адъютантом и, конечно, несущая на себе обычные в таких случаях следы субъективности. К тому же свою запись Госсбах сделал спустя 5 дней после совещания.

А вот о более важном защита предпочитала умолчать. Она постаралась обойти тот непреложный факт, что программа заговора, нашедшая свое отражение в «Протоколе Госсбаха», никак не противоречила внешней политике нацистской Германии ни до, ни после 1937 года.

То, что зафиксировано в «Протоколе Госсбаха», полностью вытекало из «Программы НСДАП», из книги Гитлера «Майн кампф». Следуя намеченному там курсу, нацистская Германия уже 14 октября 1933 года вышла из Лиги Наций, в 1936 году оккупировала Рейнскую область. А Австрия и Чехословакия? Как и было заявлено на совещании 5 ноября 1937 года, обе эти страны оказались первыми жертвами нацистского заговора против мира. Смешно упрекать Гитлера в «непоследовательности» на том основании, что тогда он планировал чисто военный вариант захвата, а фактически добился этого без единого выстрела. Сработал «механизм Мюнхена», и Гитлер им воспользовался.

Попытки Редера отрицать свое участие в заговоре выглядели

не лучше, чем подобные же попытки других подсудимых. Даже Геринг, до поры до времени относившийся к гросс—адмиралу без неприязни, слушал его доводы с нескрываемой иронией. Он—то не забыл, что в действительности происходило в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 года.

На скамье подсудимых был и еще один живой участник этого совещания — Нейрат, который тоже мог дать авторитетную оценку «Протоколу Госсбаха» И он дал ее в беседе со своими коллегами:

— Я придерживаюсь иного мнения по поводу речи Гитлера. Она вовсе не была такой академичной, как пытается представить Редер...

Обвинители продолжают наступление, и гросс-адмирал под нажимом фактов переходит к арьергардным боям, а затем на определенном этапе и вовсе оказывается перед лицом полного поражения.

Редера спрашивают, понимал ли он, что Гитлер хочет использовать вооружение как средство агрессивной политики, как «орудие своей политической власти». Подсудимый ограничивается не очень опасными признаниями:

— Сейчас я уже не могу припомнить, кто сказал это первый, но мне кажется, что это чрезвычайно часто употребляемое выражение. Обычно принято говорить, что вооруженные силы — это орудие, которое бросается на чашу весов во время политических переговоров...

Напомнив о выходе Германии из Лиги Наций, обвинитель задает новый вопрос: понимал ли Редер, что уже тогда, в 1933 году, внешняя политика Гитлера могла привести к войне? И бывший гросс-адмирал вынужден сделать еще одно признание:

— Мы считались с возможностью начала такой войны. А дальше Редеру пришлось уж совсем плохо. Обвинитель предъявляет родившийся в недрах главного штаба военно-морских сил меморандум. Он датирован сентябрем 1938 года. Прежде чем оглашать содержание документа, обвинитель обращает внимание Редера на его собственноручную надпись: «Я полностью согласен с основными соображениями этого труда».

А теперь посмотрим, к чему сводились «основные соображения» меморандума. Вот одно из них:

«Если согласно решению фюрера Германия должна достичь положения мировой державы, она нуждается не только в достаточном количестве колониальных владений, но и в безопасности военно-морских коммуникаций и в безопасном доступе к океану... Оба эти требования идут вразрез с интересами Англии и Франции и в случае их удовлетворения ограничат

положение этих стран как мировых держав. Маловероятно, что это может быть достигнуто мирным путем. Поэтому решение превратить Германию в мировую державу накладывает на нас необходимость вести соответствующие приготовления к войне».

Обвинитель (обращаясь к Редеру). Вы согласны с этим?

Редер. Да, это все верно.

Затем оглашается самый убийственный для Редера пункт меморандума: «Война против Англии означает в то же время войну против империи, против Франции и, возможно, против России, так же как и против большего количества стран за океаном, т. е. фактически против половины или даже двух третей всего мира».

Таким образом, Редер проиграл еще один раунд. И, как говорят, не по очкам, а вследствие нокаута. Английский обвинитель сэр Дэвид Максуэлл Файф мог быть доволен, — пользуясь документальными доказательствами, он вынудил подсудимого капитулировать.

Однако защита не упустила случая наступить на мозоль Англии. Зиммерс решил, что самое время предъявить документы, связанные с англо—германским соглашением 1935 года. Как известно, оно санкционировало нацистам строительство военно—морского флота. Англия, в сущности, односторонне освободила Германию от наложенных на нее ограничений. Хотя начало политики Мюнхена датируется обычно 1938 годом, фактически она началась значительно раньше. Англо—германское соглашение 1935 года было одним из первых шагов по пути потворства нацистской Германии и поощрения ее на агрессию против Советского Союза.

Предъявляя документы, имеющие непосредственную связь с этим соглашением, защита как бы возвращалась к доктрине смешанной ответственности. Разве Германия могла бы подготовиться к войне и вести ее, если бы сами западные державы не сделали такой большой вклад в эту акцию? А раз так, справедливо ли отделять ответственность Германии от ответственности других стран?

Не без издевки доктор Зиммерс зачитал ответ британского правительства на предложение Берлина о морском вооружении Германии: «Правительство его величества рассматривает это предложение, как чрезвычайно важный вклад в дело будущего ограничения морского вооружения».

А какого мнения придерживались по этому поводу достаточно компетентные люди в тогдашней Германии? Доктор Зиммерс воспроизводит слова своего подзащитного, зафиксированные в инструктивном письме нацистскому

офицерскому корпусу от 15 июля 1935 года, т. е. спустя один месяц после заключения морского соглашения с Англией:

«Все наши требования были приняты полностью: заключением соглашения Англия формально одобрила строительство германского военно—морского флота в масштабах, установленных Гитлером».

Утверждения Редера защита решила подкрепить точкой зрения самого Гитлера. В этих целях был поставлен соответствующий вопрос свидетелю Шульте—Монтингу, нацистскому адмиралу. И тот сообщил суду:

— Редер и я случайно оказались вместе с Гитлером в Гамбурге в день заключения соглашения. Когда ему было доложено об этом, он сказал Редеру: «Это самый счастливый день в моей жизни. Сегодня утром мой врач сообщил мне, что моя болезнь гортани не опасна, а в полдень я узнаю такую радостную политическую новость...»

Прошло некоторое время. Германия начала открыто строить флот настолько форсированными темпами, что это вызвало тревогу в английском общественном мнении. В Берлин приезжает лорд Кэннигхэм. С ним ведутся переговоры. А каков итог? Свидетель Шульте—Монтинг показывает:

— У меня создалось впечатление, что Кэннигхэм и Редер расстались друзьями. На прощание был дан завтрак в честь Кэннигхэма... Он заключил свою речь тостом, сказав, что отныне вопросы окончательно разрешены и нужно надеяться, что в будущем война между нашими флотами невозможна...

Гросс-адмирал Редер был, конечно, иного мнения. Но он достаточно корректный человек, чтобы разубеждать гостя. Лорд Кэннигхэм сам разубедится в этом, когда

германские подводные лодки начнут пускать ко дну британские торговые корабли, когда созданный с помощью Англии нацистский флот выйдет на широкие просторы океана с лозунгом: «Боже, покарай Британию!»

Можно смело сказать, что Редер был, пожалуй, одним из немногих подсудимых, которые не только соучаствовали в агрессивном заговоре. Гросс-адмирал стоял у истоков этого заговора, и отнюдь не в качестве стороннего наблюдателя.— Гитлер еще разъезжал по городам и весям Германии, ведя борьбу за власть, а Редер уже делал многое для того, чтобы создать прочный фундамент, на котором могло бы быть воздвигнуто коварное здание агрессивного заговора.

Больше чем кто—нибудь другой, Редер знал, что процесс перевооружения Германии лишь чисто внешне начался в 1938 году и закончился в 1939 году. И это имело существенное

значение для всей судьбы гросс—адмирала как подсудимого. Многие из предъявленных ему обвинений отпадут. Редеру есть кого благодарить за это. Но вот то, что останется, уходит своими корнями в далекие двадцатые годы, когда он являлся на доклад не к Адольфу Гитлеру, а еще к Гинденбургу, Мюллеру, Штреземану.

Редер пережил поражение в 1918 году. Он пережил позор Версаля. Однако пережить — не значит примириться. И Редер не примирился. Он проявил недюжинные способности, поразительную выдумку, чтобы, обойдя Версальский договор, вновь вооружить Германию.

Эрих Редер принадлежал к тому клану германских милитаристов, который борьбу за реванш начал задолго до прихода нацистов к власти. Редеру импонировали антиверсальские лозунги Адольфа Гитлера, но то были лишь лозунги, лишь пропаганда. А вот сам он уже тогда мог похвастаться тем, что на деле сломал хребет версальским ограничениям.

Редер, конечно, знал, что еще в 1927 году в меморандуме имперского министерства обороны указывалось: «Версальский мирный договор — это прежде всего договор, заключенный согласно международному праву, и таким образом обязателен для Германии». Этот межгосударственный акт имел приоритет перед конституцией германского рейха. В последней специально оговаривалось, что «условия мирного договора, подписанного в июне 1919 года в Версале, не могут быть изменены конституцией». Редер мог бы вспомнить и специальный германский закон от 27 июля 1927 года, запрещавший производство вооружения, его экспорт, импорт и предусматривающий уголовную ответственность за нарушение этого запрета.

Все отлично помнил и знал господин гросс—адмирал. И тем не менее пренебрегал этим в своей повседневной деятельности. С какой решимостью и подлинным искусством обходил он пороги Версаля!

Версальским договором запрещалось строить подводные лодки на территории Германии. Но ведь никто не воспрещал производить их на территории других стран. И с благословения командования военно—морского флота судостроительные верфи «Германиа» и «Вулкан» продают в Японию чертежи проекта германского подводного крейсера «У—142» и подводного миноносца «У—117». Там, на Тихом океане, германские военные конструкторы накапливали опыт строительства новых боевых кораблей. А заодно Редер направляет в Японию и германских

морских офицеров для ознакомления с техникой подводной войны будущего.

Или взять «Инжениерсконтор фор Шипсбоу»... Что это такое? Ничего особенного! Редер готов объяснить: это германское конструкторское бюро для проектирования подводных лодок под вывеской голландской фирмы в Гааге.

А в 1930 году еще одно конструкторское бюро было создано в Финляндии. И когда Редер получил отчет о его деятельности по созданию новых образцов подводных лодок, он немедленно ассигновал на это дополнительные средства.

Постепенно Редер приходит к выводу, что пора уже начать производство отдельных элементов для подлодок и на территории своей страны. Германия ограничена в производстве подводных лодок, но ей не запрещали строить отдельные узлы для них по проектам, разработанным в конструкторских бюро Японии, Финляндии, Голландии.

Задолго до того как гросс—адмиралу пришлось занять место на скамье подсудимых в Нюрнберге, его ведомство выпустило в свет документ под броским заголовком «Борьба флота против Версальского договора в 1919—1935 гг.». Там указывалось:

«После подписания Версальского договора... какая бы то ни было практическая работа в области развития подводного оружия в Германии исключалась. И тем не менее, спустя всего лишь три с половиной месяца после того как 16 марта 1935 года было объявлено о восстановлении суверенитета Германии... вступила в строй первая германская подводная лодка. Затем с интервалами в восемь дней начали вступать в строй новые подводные лодки».

Чудо? Никаких чудес. Мы же видели, что фактически ни на один день не прекращалась в Германии работа по вооружению. Агрессор готовился к прыжку. И Редер делал все, чтобы к этому был готов военно—морской флот.

А попутно он произносил речи, пугая немецкого обывателя безоружностью Германии. Сохранился текст его выступления в Штральзунде 8 февраля 1928 года. Редер взывал там к своим слушателям:

— Подумайте о протяженности германского побережья на Балтийском и Северном морях, которое открыто для вторжения и для грабежа со стороны самого маленького морского государства, если мы и впредь не будем располагать современным подвижным военно-морским оружием, по крайней мере в рамках Версальского трактата.

Лгал, конечно, Редер. Он понимал, что никакое «маленькое государство» не собиралось нападать на Германию, но ему хотелось получить поддержку общественного мнения своей

страны. И «Версальский трактат» поминался всуе: кто—кто, а уж Редер—то знал, что ограничения, обусловленные этим трактатом, давно обойдены. Однако до поры до времени перед лицом Антанты надо было прикидываться смиренным агнцем.

С каждым годом Редер расширял географию зарубежных баз вооружения Германии. На процессе в Нюрнберге обвинитель Файф предъявил трибуналу доклад адмирала Асмана. Из него явствует, что с осени 1927 года началось строительство германских военных кораблей в Испании. И там, оказывается, закладывался фундамент нацистского вермахта!

Читатель помнит, как Редер похвалялся, что он решил остаться в Берлине, даже если город будет оккупирован союзными войсками. Сам он никак не считал преступной свою деятельность по тайному вооружению милитаристской Германии. Он—то не считал, а обвинители рассматривали ее как один из элементов участия Редера в заговоре против мира.

Внимательно наблюдавшая за аргументацией обвинения защита решила, что пришло время нанести удар по всей конструкции заговора. Дело Редера казалось наиболее удачным для такой атаки.

И вот адвокат Зиммерс начинает ее. Ход его рассуждений чисто внешне не был лишен логики. Редеру вменяется в вину то, что он вступил в заговор с Гитлером в целях подготовки и развязывания целой серии агрессивных войн. Адвокат просит судей Международного трибунала обратить внимание на такую важную деталь: факты, которыми подкрепляется это обвинение, относятся к 1928—1933 годам, т. е. к тому времени, когда Гитлер никакого правительственного поста не занимал и вел лишь борьбу за власть; проще говоря, был еще частным лицом. Кстати, Редер тогда не был даже знаком с главой заговора и действовал под руководством других правительств. Почему же члены этих правительств не привлекаются к ответу за соучастие в заговоре, а Редер оказался на скамье подсудимых?

Эти доводы доктора Зиммерса нисколько, однако, не поколебали позицию обвинения. Обвинители настойчиво продолжали доказывать, что Редер начал действия по осуществлению заговора против мира до того, как нацисты пришли к власти. И ничего нелепого в этом нет. Германские милитаристы еще до Гитлера твердо решили готовить агрессивный реванш и именно для этой цели поддержали нацистов.

С полным основанием обвинители утверждали, что в 1933 году Гитлер застал уже не версальскую Германию, а Германию, готовую за короткий срок превратиться в самую мощную военную

державу капиталистической Европы. И такой ее сделали люди, подобные Эриху Редеру, который и секунды не колебался, когда новый канцлер предложил ему возглавить военно—морской флот нацистской Германии.

Согласно обвинительному заключению заговор против мира охватывал период в 25 лет, начиная с образования нацистской партии. Нацистский фюрер не мог бы так быстро преуспеть, если бы в Германии не была проделана огромная работа по перевооружению. Вот почему все, что делал Редер по тайному перевооружению флота не только после, но и до 1933 года, являлось фактически элементами нацистского агрессивного заговора.

Само слово «заговор» раздражало и подсудимых и защиту. Возмущало их и то, как обвинители толкуют это понятие. Подумать только, каждый участник заговора должен отвечать не только за собственные действия, но и за преступления соучастников!

— Как можно, — вопрошал доктор Зиммерс, — обвинять Редера в заговоре и вменять ему в ответственность действия других, если он и понятия не имел, что делали эти другие? В условиях режима особой секретности он был лишен какой бы то ни было информации о деятельности неподведомственных ему звеньев нацистского государственного аппарата. Да и вообще, о каком заговоре может идти речь в государстве, где есть диктатор? Заговор — это соглашение определенного крута лиц. А мыслимо ли что—либо подобное при жесточайшей и неограниченной диктатуре?

Развивая эту свою мысль дальше, защита выдвинула концепцию «непроницаемых перегородок». Мол, в нацистском государстве между различными его составными частями существовали только такие связи, при которых полную картину могло составить себе лишь одно лицо, стоящее на самом верху иерархической лестницы, т. е. Гитлер. Следовательно, Гитлер и есть главный и единственный заговорщик, он и воплощает весь заговор.

Доктор Зиммерс сплел такую паутину, в которой, по его глубокому убеждению, любой обвинитель или судья должны запутаться окончательно. Да и другие адвокаты всячески старались выставить напоказ всю «нелепость», всю «юридическую бессмысленность» обвинения в заговоре. Делалось это весьма просто — к сложным условиям заговора против мира подставлялись признаки сговора, касающиеся обычного уголовного преступления. Ну, конечно, трудно представить себе, чтобы участники банды, идущей, скажем на ограбление банка, не

знали друг друга, не сговорились бы с самого начала и все вместе о способах и приемах ограбления. Именно таким сплоченным объединением преступников, в котором каждый играет заранее согласованную с другими роль, защита и старалась представить всякий заговор. Этим путем она надеялась благополучно вывести из—под удара не только Редера, но и всю гитлеровскую клику.

Камня на камне не оставил от этих надежд главный советский обвинитель Р. А. Руденко. Вот он-то уж доказал, каким юридическим нонсенсом является попытка подменить понятие заговора в международных отношениях сговором о разбое на большой дороге или о краже со взломом. Едко высмеял эту концепцию и Джексон, подчеркнув, что у адвокатов представления о заговоре ассоциируются со встречей украдкой глухой ночью в уединенном, скрытом месте, где подсудимые обдумывают каждую деталь отдельного преступления. Обыкновенные бандиты могут планировать — кто из них возьмет револьвер, а кто стилет, кто подойдет к жертве спереди, а кто сзади и где именно они ее подстерегут. Но при планировании войны револьвер предстает в виде вермахта, а стилетом становятся военно-воздушный или военно-морской флоты.

В заговоре такого типа, как нацистский заговор против мира, если есть согласие его участников по основной цели — развязывание серии агрессивных войн — сразу же и весьма значительно расширяются границы ответственности каждого заговорщика. В этом случае каждый заговорщик несет ответственность за всю совокупность преступлений, совершенных во имя основной цели, тем более что нацистские заговорщики одновременно с войной планировали и совершение тягчайших военных преступлений, входивших составным элементом в стратегический план агрессии.

В подобной ситуации на заговорщика ложится ответственность независимо от того, участвовал он непосредственно или не участвовал в каком—либо отдельном преступлении. Больше того, он будет отвечать за совершение такого преступления, о котором лично даже не знал, но которое прямо вытекало из задач заговора.

В заговоре против мира выбор места для преступных действий не ограничивается темной аллеей, а простирается на огромные пространства, захватывая порой целые континенты. Здесь все гораздо сложнее. Тут требуется подготовка общественного мнения при помощи тщательно продуманной пропаганды, принятие ряда законов, рассчитанных на подавление оппозиции, создание специальных широкоразветвленных органов, призванных готовить страну к агрессии, установление

необходимых контактов с промышленностью, мобилизация ее возможностей для экономического обеспечения заговора, хорошо организованная система дезинформации в целях нарушения международных договоров, ограждающих мир от военной опасности. Одним словом, заговор, направленный на подготовку и развязывание войны, на ликвидацию свободы и независимости целых народов и, более того, на физическое их уничтожение, не может рассматриваться в тех же рамках, что и разбойное ограбление какого—то купца.

Пока фюрер искал предлог…

Однако господ гросс—адмиралов обвиняли не только в заговоре против мира. В вину им вменялись также ведение конкретных агрессивных войн и совершение при этом тяжких военных преступлений.

Было бы несправедливым упрекать Редера, как, впрочем, и Деница, в том, что они не нашли аргументов против обвинения в варварских методах войны на море. Мы еще убедимся в том, что столкновение защиты и прокуроров по этому вопросу создало глубоко драматические ситуации. Настолько драматические, что один из этих двух подсудимых имел некоторые шансы выйти из нюрнбергского Дворца юстиции полностью оправданным.

Но когда речь шла об агрессии, то здесь Редер оказался совершенно бессильным

прибегнуть хоть к сколько-нибудь убедительным доводам. Поведение его в этом отношении во многом напоминало поведение Риббентропа. Ответы Редера на вопросы обвинителей нередко отличались той же степенью политической наивности, что и ответы нацистского дипломата № 1».

Впрочем, будем справедливы: люди и с гораздо более развитым интеллектом, люди, которые, в отличие от министров диктатора, каждодневно упражняют свой ум в полемической борьбе, несомненно, оказались бы бессильными перед лицом тех данных, которыми располагали обвинители против подсудимых. Разница лишь в том, что такие люди при всех условиях не допустили бы слишком частого смеха в зале.

Мне бы не хотелось во всех отношениях ставить Редера в один ряд с Риббентропом. Тем не менее, справедливости ради приходится все же констатировать, что многие ответы главнокомандующего военно—морским флотом умиляли публику судебного зала.

Читателю уже известно об участии Редера на узком совещании Гитлера 5 ноября 1937 года, где последний раскрыл программу агрессии и даже примерную последовательность агрессивных актов. Через четыре месяца реализуется первая часть плана —Австрия падает к ногам победителя. А летом 1938 года Редер получает директиву, в которой фюрер недвусмысленно заявляет о необходимости «разрешить чехословацкий вопрос» не позднее 1 октября. В ней черным по белому записано:

«Моим непреклонным решением является в самом ближайшем будущем разбить Чехословакию путем проведения военных операций. Задачей политических руководителей

является выбор для этого подходящего момента...»

Процитировав названную директиву, обвинитель осведомляется, не заставил ли Редера такой документ, а также захват Австрии поверить наконец, что речь Гитлера на ноябрьском совещании не была пустословием, а отражала его подлинные намерения.

Редер отлично понимает, что знать планы Гитлера и оставаться у него на службе означало уже полную виновность. И он старается удержаться на прежней своей позиции, продолжая пользоваться старой аргументацией, которая теперь стала уж совсем нелепой. Не искушенный в полемических битвах бывший главком военно-морских сил нацистской Германии с тупым упорством твердит одно и то же:

— Но ведь Гитлер очень часто грозил кого—то разгромить, а впоследствии никого не громил. Он разрешал вопросы мирным путем...

Обвинитель напоминает Редеру, что на секретном совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 года Гитлер заявил: «Мы приняли решение напасть на Польшу при первой благоприятной возможности». И для того чтобы подсудимый опять не стал жевать мочало о мирных способах решения конфликтов, которые якобы фюрер всегда предпочитал военным, тут же зачитывается еще один абзац из того же выступления Гитлера: «Мы не можем ожидать, что дело обернется таким же образом, как в Чехословакии; дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития».

Но Редер верен себе. Он заявляет, что и в этом случае Гитлер не имел в виду вооруженное нападение. Иначе как, мол, объяснить публичную речь фюрера, произнесенную тогда же при спуске на воду линкора «Бисмарк», в которой он так проникновенно говорил «о мире и истинной справедливости».

Обвинители не теряют, однако, надежды сломить упрямца: суду предъявляется запись еще одного секретного совещания, состоявшегося в Оберзальцбурге 22 августа 1939 года. Этот документ нашли союзные следователи, порывшись в архивах ОКВ во Фленсбурге.

Круг участников совещания был очень узким: командующий сухопутными войсками, командующий военно-воздушными силами, командующий военно-морским флотом и еще несколько высших генералов. При оглашении записи произнесенных там речей Редер бледнел и зеленел, а все же отказался прямо признать, что и здесь с циничной откровенностью Гитлером была раскрыта программа агрессии. Германский милитарист, избравший определенную линию поведения, оказался актером

одной роли, одного амплуа — искусство перевоплощения было чуждо ему. Выслушав убийственные цитаты из стенограммы, Редер, рассудку вопреки, снова утверждает:

— Все мы, собравшиеся на совещании, почерпнули из слов Гитлера искреннюю надежду на то, что и на этот раз ему удастся решить вопрос мирным путем.

И это за неделю до начала второй мировой войны!

Впрочем, может быть, в речи Гитлера содержался хоть какой—то намек на возможность мирно урегулировать назревавший конфликт? Давайте посмотрим.

Прежде всего Гитлер решил установить прямую связь между судьбой человечества и его собственной. Он сказал: «Никто не знает, сколько я буду жить. Поэтому лучше сейчас начать великий конфликт... Мы должны пойти на риск с непоколебимой уверенностью».

А дальше что? Дальше, правда, в одном месте Гитлер действительно упоминает о возможности мирного урегулирования. Но как упоминает! Когда обвинитель зачитал эти слова Гитлера, у гросс—адмирала, надо полагать, все помутилось в глазах: «Я боюсь только того, что в последнюю минуту какая-нибудь свинья снова сделает предложение о посредничестве».

Кто же после такого заявления усомнится, а тем более обманется, в истинных намерениях Гитлера? А гросс-адмирал все же хочет убедить Международный трибунал, будто у участников совещания могла созреть уверенность, что и на сей раз Гитлеру «удастся решить вопрос мирным путем».

Что это, дремучая глупость? Но Редер отнюдь не был глупцом, и, вероятно, отлично понимал, как смешно выглядит его позиция. Тогда в чем же дело? А дело в старой, очень старой истине: утопающий хватается за соломинку. Перед Редером стояла дилемма — или признать, что на совещаниях 5 ноября 1937 года и 23 мая 1939 года Гитлер раскрыл конкретную программу агрессивной политики Германии, или, вопреки фактам и логике событий, отрицать это. Первое означало признание Редера соучастником заговора против мира. И это грозило роковым исходом. Гросс-адмирал отдавал себе отчет в том, что запоздалое признание и раскаяние перед лицом неотразимых улик, увы, не смягчит ему наказание. Оставалось второе — голословное отрицание. Пусть нелепое. Пусть иногда смешное. Но оно оставляло хоть тень надежды на спасение.

Да, Редеру был нанесен страшный удар. Тем более чувствительный потому, что он являлся, в сущности, одним из первых. А затем последовала серия других ударов, еще более

неотразимых.

1940 год. Скоро, совсем скоро нацистская свастика появится на улицах Парижа. Но прежде чем это произойдет, потребуется провести еще одну операцию. На этот раз жертвой намечена Норвегия.

За самое короткое время эта страна будет захвачена и оккупирована. И именно в связи с норвежской операцией фигура Редера вдруг вырастет до размеров, затмевающих других подсудимых. Но и здесь, вопреки очевидности, гросс-адмирал будет продолжать свою линию защиты: отрицать, отрицать и только отрицать.

Надо сказать, что история с оккупацией Норвегии вызвала на Нюрнбергском процессе весьма бурную дискуссию. Тут защита не сочла возможным воспользоваться даже доктриной смешанной ответственности, к которой она охотно прибегала в других случаях. Доктор Зиммерс требовал полного оправдания гросс—адмирала и призвал на помощь себе ученых—юристов.

В Германии имелось много профессоров международного права, поднаторевших на подыскании любых аргументов в целях оправдания агрессивной политики. Они были достаточно смелы и услужливы во времена успехов нацизма. Они сильно приуныли в последующие годы, когда звезда нацизма стала меркнуть. И совсем спрятались в щель, когда Германия оказалась разгромленной. Именно поэтому Зиммерс вынужден был довольствоваться услугами не какого-нибудь именитого профессора—международника, а всего лишь доцента Боннского университета Германа Мозлера. Киты международно-правовой «науки» предпочли остаться в тени.

Строго говоря, трибунал вовсе не обязан был принимать заключение такого эксперта. В любой стране суды прибегают к услугам экспертов (или, как их часто еще называют, сведущих лиц), когда дело касается специальных знаний, которыми судьи не обладают. Все слышали о медицинских, технических, экономических и иных экспертизах.

Но о какой экспертизе могла идти речь при решении вопроса, являются ли преступными или не являются таковыми действия Германии, действия Редера, связанные с нападением на Норвегию. Ведь здесь эксперт мог оперировать лишь чисто юридическими категориями, ссылаться на договоры и соглашения, связывавшие Германию и Норвегию, давать свою интерпретацию этих актов, в сущности, делать то, что по долгу своему обязаны сделать судьи, люди с огромным юридическим опытом и знаниями.

Тогда зачем же суд все же разрешил защите, в составе

которой были профессора международного права, предъявлять экспертное заключение доцента? Вспоминаю свою беседу об этом с профессором А. Н. Трайниным. Оба мы пришли тогда к выводу, что на данный вопрос ответ надо искать не в кодексах и не в существующих правилах уголовного процесса, а только в политике. На организационном совещании трибунала, где решалось, разрешить или не разрешить представление «экспертизы» Мозлера (которая, по сути, сводилась к выяснению, кто виноват в агрессии против Норвегии — Германия или Англия), английские судьи не захотели занять отрицательную позицию, дабы не навлечь на себя подозрение в необъективности.

Эксперт Мозлер сообщал суду общеизвестные истины (кстати, давно забытые в нацистской Германии) о том, что «государства, ведущие войну, обязаны уважать суверенные права нейтральных государств, на территории и в прибрежных водах этих государств», что в прибрежных водах нейтральных стран запрещаются всякие военные операции. Великобритания же, по заключению эксперта, вопреки этим положениям, заминировала норвежские прибрежные воды для того, чтобы воспрепятствовать законному плаванию немецких военных и торговых кораблей и, в частности, нарушить подвоз руды из Нарвика в Германию.

Защита не настаивала на том, что самый факт минирования давал уже право Германии на оккупацию Норвегии. Но Редеру будто бы стало известно, что английский флот готовится к высадке десантов в Норвегии. А это уже, по мнению защиты, давало право и с военной точки зрения требовало принятия самых срочных контрмер, каковыми и явились захват и оккупация Норвегии германскими вооруженными силами.

Обвинитель напомнил, что существовали определенные обязательства Германии по отношению к Норвегии. Защита не спорит: начав войну с Польшей, Германия 2 сентября 1939 года действительно направила в Осло торжественное заверение о том, что «правительство Германской империи... не намерено ни в коем случае нарушать целостность и неприкосновенность Норвегии, и будет уважать территориальную неприкосновенность Норвежского государства».

И тут наступает самый драматический этап судебного следствия по этому важному историческому эпизоду.

Обвинители возымели желание доказать, что тот самый Редер, который пришел на службу к Гитлеру только потому, что фюрер убедил его, будто нацисты намерены проводить мирную политику, тот самый Редер, для которого все определялось идеологией глубоко верующего, христиански воспитанного человека, именно этот Редер и оказался душой всей операции по

захвату Германией нейтральной Норвегии. Собственно, против этого не возражал и сам гросс—адмирал. Соль вопроса заключалась в другом: прав ли Редер, когда утверждает, что он был поставлен перед такой необходимостью намерением Англии направить свой флот к норвежским фиордам и высадить там десанты? Или правы обвинители, которые доказывают, что подсудимый действовал вне всякой зависимости от английских планов, что он настаивал на захвате Норвегии еще задолго до того, как получил информацию о британских планах?

На процессе Редер заявил:

— Первое совещание между Гитлером и мною о Норвегии состоялось по моей инициативе десятого октября тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Чем же такая инициатива обусловливалась? Редер ссылается на то, что «при помощи адмирала Канариса в последнюю неделю сентября» были добыты «различные сведения» о готовящемся вторжении в Норвегию англичан. Обвинители же считают, что даже в марте 1940 года немецкая разведка ничего не знала об этом.

Обнародуются новые документы. Редеру предъявляют его меморандум от 3 октября 1939 года о захвате баз в Норвегии «путем применения военной силы, если невозможно этого достигнуть, не прибегая к войне». Может быть, там имеется ссылка на данные немецкой разведки? Сколько Редер ни всматривается в текст самим им порожденного документа, он не может обнаружить ни одного спасительного слова. Зато обвинители обращают внимание на то место меморандума, где вполне определенно говорится, что норвежская операция предпринимается с «целью улучшения... стратегических и оперативных позиций».

Подводит Редера и сосед по скамье подсудимых Альфред Иодль. Этот дотошный человек любил вести дневник. Не все его дневниковые записи радовали теперь и самого автора и других подсудимых. А одна из них совсем вывела Редера из состояния равновесия. В самом деле, сколько усилий потратил он, чтобы доказать, будто операция «Везер[1]» планировалась как превентивная, имеющая цель предотвратить английские поползновения. И вдруг такой пассаж: 13 марта 1940 года, т. е. менее чем за месяц до операции, Иодль отмечает в своем дневнике:

«Фюрер еще не дает приказа о начале «В». Он все еще ищет предлог».

14 марта Иодль снова возвращается к тому же:

«Фюрер еще не решил, какой повод найти для осуществления

«варианта Везер».

Редер бросает в сторону своего соседа по скамье подсудимых взгляд, полный искреннего гнева и глубокого возмущения. Угораздило же его писать такое! А обвинитель меж тем предъявил трибуналу еще одну выдержку из другого дневника. На сей раз авторство принадлежит военно—морскому оперативному штабу. 23 марта 1940 года (т. е. уже за две недели до нападения Германии на Норвегию) там записали: «Не следует ожидать в настоящее время массового вторжения англичан в норвежские территориальные воды».

И как бы поняв чувства, обуревавшие Редера, обвинители спросили, что он думает об адмирале Асмане, официальном историке германского военно—морского флота. Ре—дер назвал Асмана «здравомыслящим историком». После этого гросс—адмиралу немедленно был предъявлен и дневник Асмана, в котором 26 марта сделана такая запись: «Угроза высадки англичан в Норвегии не считается серьезной».

Вдобавок ко всему выплыли на свет белый некоторые скандальные подробности. Оказывается, Редер, так старавшийся убедить суд, что он всегда избегал иметь дело с партийными функционерами, тот самый Редер, который говорил «хайль Гитлер» только людям, не симпатичным ему, этот Редер, ничтоже сумняшеся, связался с норвежским нацистом Квислингом, тем самым, чье имя стало во всем мире синонимом предательства. 12 декабря 1939 года Квислинг приезжал в Берлин, был принят Эрихом Редером и доложил последнему план государственного переворота в Норвегии. Идеи Квислинга представились гросс—адмиралу настолько увлекательными, что он торопится доложить о них Гитлеру.

Был у главнокомандующего германским флотом Эриха Редера дежурный адъютант Вальтер Георг Эрих Гизе. Пост не ахти какой. Но человек этот если не много слышал, то много видел. И то, что видел, он сообщил Международному трибуналу в своих письменных показаниях.

Гизе показал, что осенью и зимой 1939—1940 годов приемная гросс—адмирала кишела тайными агентами, которых использовали для норвежской операции. Для переговоров с Редером приезжал и еще один из руководителей норвежских нацистов — господин Хагелин. Дежурный адъютант заранее получил инструкции о том, что, если господин Хагелин назовет свое имя, явившись лично, надо «немедленно проводить его к главнокомандующему»...

Итак, Редер беседует с Хагелином, ведет переговоры с Квислингом, даже убеждает фюрера лично принять Квислинга, и

Гитлер обещает тому финансовую поддержку.

Наконец, 1 марта 1940 года Гитлером издается директива по «варианту Везер»: «Развитие событий в Скандинавии требует, чтобы велись все приготовления к оккупации Дании и Норвегии частью германских вооруженных сил... переход датской границы и высадка в Норвегии должны произойти одновременно... Чрезвычайно важно, чтобы наши мероприятия явились неожиданностью для скандинавских государств и западных противников».

9 апреля 1940 года германские вооруженные силы вторглись в Норвегию и Данию. А теперь, сидя на скамье подсудимых, Редеру надо держать ответ за этот разбойничий акт.

Бесспорно, Англия готовилась к захвату Норвегии. Нельзя забывать военно—политической обстановки 1939—1940 годов, коварных замыслов англо—французских правящих кругов в период советско—финляндского конфликта. Но обвинители документально доказали, что планы нацистской Германии относительно Норвегии родились и развивались совершенно самостоятельно, независимо от намерений Англии и Франции. Опровергнуть это Редеру не удалось.

Хорошо, пусть провалилась попытка представить себя другом норвежского народа! Гросс-адмирал и его адвокат спешат закрепиться на второй линии обороны: не главнокомандующий немецким флотом, а гитлеровский наместник Тербовен превратил оккупацию Норвегии в сплошную цепь преступлений и ужасов. Защита Редера готова представить суду доказательства того, что военно—морской флот не принимал никакого участия в этих преступлениях. Подсудимый просит вызвать ряд свидетелей.

Да, ведь Редера никто и не обвинял в том, что он непосредственно руководил

зверской политикой оккупационных сил. Будучи участником нацистского заговора против мира, гросс-адмирал исполнял в каждом случае ту задачу, которая возлагалась на него как главнокомандующего флотом. Он доставил на норвежские берега оккупационную армию, соответствующим образом воспитанную, и, конечно, понимал, чем все это кончится. Без захвата Норвегии были бы невозможны и террористические действия нацистов в этой стране.

Саму же операцию по захвату Редер обставил так, что вошел в историю не только ярым агрессором, но и выдающимся пиратом. Он прибег к таким методам войны, которые никак не позволяли ему отгородиться от остальных военных преступников, противопоставив их злой воле и коварству свою «христианскую добропорядочность».

Суду предъявляются «Общие инструкции» для германской эскадры, направляющейся к норвежским берегам. Датирован этот документ 4 апреля 1940 года. В нем содержатся такие указания: «Корабли для прорыва линии заграждения должны незаметно проникнуть в фиорд г. Осло с включенными огнями под видом торговых пароходов... На требование со стороны сигнальных и сторожевых постов дать опознавательные сигналы следует, чтобы ввести в заблуждение, использовать названия английских пароходов».

А вот приказ морского командования от 24 марта того же года. Там уже все расписано до детали:

«При входе в гавань надо как можно дольше маскироваться под английские корабли. На все запросы норвежских судов по азбуке Морзе следует отвечать по—английски... примерно следующим образом: «Идем в Берген на короткое время, никаких враждебных намерений не имеем». На все запросы давать названия английских военных кораблей. Поэтому «Кельн» отвечает — «Каир», «Кенигсберг» — «Калькутта», «Бромзее» —»Фаулькнер», «Карл Петере» — «Хэлсион», «Леопард» — британский эсминец «Вулф»... Надо сделать так, чтобы британский военный флаг был все время освещен и чтобы судно было в постоянной готовности пустить дым».

В тот же день, 24 марта 1940 года, Редер подписал и другой приказ, адресованный флагману разведывательных сил. В нем почти дословно воспроизводится только что цитированный документ, но есть и некоторые дополнительные разъяснения:

«На приказание остановиться надо ответить: 1) «Просьба повторить последний сигнал», 2) «Вашего сигнала понять невозможно». Если будет произведен в качестве предупреждения выстрел, надо отвечать: «Прекратите стрельбу. Корабль — британский, дружелюбно расположен». Если спрашивают о маршруте и о цели, надо отвечать: «Идем в Берген, гонимся за немецким пароходом».

Вряд ли такие документы нуждаются в комментариях.

Редер торопится «опередить противника»

Кончилось обсуждение норвежской операции, но, увы, не кончились неприятности Редера: корабль защиты то и дело натыкался на мины, расставленные обвинением. Особенно тяжким выглядело обвинение гросс—адмирала в подготовке и развязывании войны против СССР.

Редер не отрицает, что задолго до нападения у него возникли подозрения о готовящейся войне. Еще в августе 1940 года он «получил сведения в одной военной инстанции» о значительных военных перевозках на восток. Гросс-адмирал вовсе не хотел бы уподобляться Риббентропу, пытавшемуся уверить суд, будто министр иностранных дел узнал о нападении на СССР чуть ли не в самый канун войны.

Ну а как же он распорядился теми сведениями, которыми поделилась с ним «одна военная инстанция»?

— Я спросил Гитлера, что это значит, и Гитлер сказал, что это, так сказать, превосходная маскировка его намерений высадиться в Англии.

Можно, конечно, пускать туман в официальных речах, в нацистской печати, чтобы ввести в заблуждение противника, но почему фюрер на равных основаниях обманывал и своего главкома военно-морских сил?

Да, Гитлер умел лгать и широко пользовался ложью в политике. Вот один из многих примеров: 20 апреля 1941 года он встречается с японским министром иностранных дел Мацуока и на вопрос последнего о перспективах советско-германских отношений, не колеблясь, отвечает, что у германского правительства и мысли не существует о нападении на Советский Союз. Но то японец Мацуока, только что подписавший в Москве договор о нейтралитете с Советской Россией. А Редер? Чем было вызвано недоверие фюрера к нему?

Разве Эрих Редер хоть в малейшей степени колебался, идя в 1933 году на службу к нацистам? Разве Гитлер испытывал какие-нибудь сомнения в его лояльности, приглашая на самые секретные совещания, где обсуждались планы агрессии и куда не приглашались даже такие нацистские бонзы, как Гесс, Розенберг?

Может быть, гросс-адмирал навлек на себя какие—то подозрения в период подготовки войны? Отнюдь нет. Никто не проявил столько изобретательности в этом деле, как Редер.

Возможно, Редер где—то высказал сомнения относительно

планов агрессии? И этого не случилось. История с Норвегией — лучшее свидетельство обратного. План нападения на эту страну созрел не в политических кругах, не в ОКВ, а прежде всего в мозгу Редера. Именно Редер выступал в данном случае самым решительном образом, настойчиво убеждая тех, кто выражал опасения.

Так почему же Гитлер стал вдруг скрывать от Редера то, чего не скрывал от других руководителей вооруженных сил Германии?

Вот этого подсудимый объяснить никак не смог.

Случился с ним и еще один конфуз. Говорят, у лжецов должна быть длинная память. У Редера такой памяти не оказалось, и он вступил в явное противоречие с самим собой. В своих показаниях в Москве, пытаясь раскрыть, так сказать, социальные мотивы нападения Германии на Советский Союз, гросс-адмирал писал:

«Мне думается, что решающую роль в принятии этого решения для фюрера сыграл вопрос мировоззрения и опасения, что большевистская идея возьмет верх над национал—социалистской. Я заключаю это из двух высказываний фюрера...»

Каких же именно? А вот каких. Однажды Гитлер объявил Редеру: «Я все время должен указывать своей партии, насколько мало общего имеет наше мировоззрение с большевистским и насколько велика разница между нами». А в другой раз, когда гросс-адмирал стал рассказывать ему, какие прекрасные санатории имеются на Кавказе, фюрер сделал следующее резюме: «Нам нужно торопиться, ибо через 10 лет Сталин, пожалуй, разрешит и социальный вопрос».

Откровенность полная! Для гросс—адмирала Гитлер не делает секрета из своих планов нападения на СССР и даже объясняет ему, почему вынужден торопиться с осуществлением этих планов.

И все же вопреки логике и доказательствам Редер стремился убедить суд, что до поры до времени не знал о подготовке вторжения на советские земли. А когда узнал, стал решительным противником этой акции.

Читатель, несомненно, уже заметил, как много людей из ближайшего окружения Гитлера были «против» войны с Советским Союзом. Тут и Геринг, и Кейтель, и Риббентроп, не говоря уже о Шахте. А теперь вот оказывается, что и Редер был в том числе. Когда его попросили уточнить свою позицию, он ответил без колебаний:

— Я всегда выступал за политику Бисмарка, которая заключалась в том, чтобы мы шли в ногу с Россией.

Это вам не Геринг! У того был иной мотив, иные возражения

против войны с СССР: не пришло еще время, надо сначала разбить Англию, а потом браться за Россию. Нет, позиция Редера принципиально отличная, и доктор Зиммерс счел своим долгом обратить на нее внимание судей:

— Редер выступил с возражениями, обусловленными не только фактором времени. Он в принципе спорил с Гитлером против похода на Россию, исходя из моральных и международно-правовых соображений. Он считал, что как договор с Россией о ненападении, так и торговый договор с нею должны выполняться при всех обстоятельствах.

Скамья подсудимых реагировала на это заявление точно так же, как она всегда реагировала на любую попытку любого подсудимого поставить себя в обособленное положение по отношению к другим и в ущерб им. Геринг опять был наиболее активен: он с укоризной посмотрел на адвоката, обернулся назад и о чем—то заговорил с Редером, явно призывал на помощь Деница, но тот пока сохранял внешнее спокойствие. Да и сам Редер, как говорят, даже ухом не повел. Что ему до возмущения Геринга! На этот раз защита попала в самую точку. Ведь еще в советском плену гросс-адмирал сам написал в своих показаниях: «Военно—морской флот искренне приветствовал пакт с Россией... разрыв пакта был встречен с ужасом».

Но и тут подсудимому противоречила историческая действительность, исторические факты. В свете последних Редер меньше всего походил на государственного деятеля, готового действовать по старой римской формуле — «Pacta sunt servanda» — договоры должны выполняться.

Разве он противился перевооружению Германии, предпринятому вопреки Версальскому договору? Разве Редер возражал против насильственного присоединения Австрии и захвата Чехословакии в нарушение обязательств, ранее взятых Германией? Разве исходили от него протесты при нападении на Польшу, с которой у Германии существовал договор о ненападении, подписанный еще в 1934 году? Разве хоть чем—то воспрепятствовал он вторжению немецких войск в Данию, тоже подписавшую с Германией договор о ненападении? Разве не ему принадлежала пальма первенства в оккупации Норвегии, которой Германия еще 2 сентября 1939 года направила торжественные заверения о ненападении?

Вот почему судьям трудно было поверить, что, когда речь зашла о подготовке нападения на Советский Союз, Редера вдруг осенила мысль о святости международных договоров. На предварительном следствии в Москве он говорил уже о другом. В Нюрнберге же это другое улетучилось из памяти. Улетучилось

потому, что ставило Редера в равное положение с Герингом. Тот ведь признал, что, высказывая Гитлеру свои сомнения относительно нападения на СССР, он исходил не из каких—то принципиальных соображений, а имел в виду лишь необходимость избрать для этого наиболее благоприятное время.

По существу, то же самое содержалось и в показаниях Редера. Он писал в ту пору, что в одной своей беседе с Гитлером «изложил ему общее военное положение и вытекающую из этого невозможность одновременного ведения войны и против России».

Таким образом, Редер, как и Геринг, опасался единственного: вести войну против СССР, не закончив ее с Англией. Что дело обстояло именно так, свидетельствует и еще один документ из архивов германского морского оперативного штаба, предъявленный обвинителями. Там черным по белому записано: Редер выдвинул «серьезные возражения против русской кампании до поражения Англии».

Редеру хорошо известна лживость мотивов, к которым прибегла нацистская верхушка во главе с Гитлером для того, чтобы оправдать коварную агрессию против СССР. В его московских показаниях есть такие строки:

«Изданные в начале войны пропагандистские, политические и военные статьи министерства иностранных дел и командования вооруженных сил, которые должны были оправдать разрыв договора нарушениями со стороны Советского Союза, пользовались как в народе, так и в вооруженных силах очень небольшим доверием. Они... производили отталкивающее впечатление».

А что же сам Редер? Каковы были его собственные действия в те решающие дни июня 1941 года? Может быть, он все же что—то предпринял?

Будем справедливы. Действительно предпринял. Как только была установлена дата нападения на СССР — 22 июня, Редер отдает приказ по военно—морскому флоту: начать с 15 июня боевые действия против советских подводных лодок. За шесть дней до официального начала войны! В приказе подчеркивается: «Следует стремиться к безжалостному уничтожению». А если возникнет скандал, Редер рекомендует свести все к досадному недоразумению, морские силы полагали, мол, «что они имели дело с проникшими в этот район английскими подводными лодками».

Обвинитель Максуэлл Файф спрашивает Редера:

— Считали ли вы правильным ваше предписание начать безжалостное уничтожение советских подводных лодок за шесть дней до нападения на Советский Союз?

И Редер, уже признавший, что ложные мотивы войны с СССР произвели на него «отталкивающее впечатление», лепечет что—то невразумительное о стремлении «опередить противника». Но какая нужда была «опережать противника», который сам не собирался нападать?

Наконец обвинители представили суду директиву Редера по военно—морскому флоту от 8 августа 1941 года. В ней он с трудно скрываемым энтузиазмом сообщает о дальнейших военных планах Германии: «Продвижение моторизованного корпуса через Закавказье в направлении Персидского залива и в направлении Ирак — Сирия —Египет...»

Это был последний удар по всей лживой конструкции защиты гросс—адмирала Редера. Маска миролюбивого христианина окончательно спала с его лица.

Достойный ученик

Редер отлично понимал, что в грядущей войне от германского флота ждут выполнения двух задач: непосредственного участия в захвате территорий и ведения экономической войны на море. Как бы ни было важно первое (Норвегия — яркий тому пример), второе неизмеримо важнее. Германия — континентальная держава. Все свои территориальные захваты она совершала поначалу в Европе. А вот схватка с Англией — это уже борьба особого рода: чтобы заставить ее капитулировать, надо либо прибегнуть к высадке на Британские острова (что очень сложно), либо задушить страну голодом, прервать ее морские коммуникации со всем миром.

Экономическая борьба, и не только с Англией, а и с другими странами, особенно

США, являлась важнейшим звеном военно—морской стратегии германского командования. Вот почему Редёр, имевший в этом отношении опыт первой мировой войны, еще в мирные годы сосредоточивал свои главные усилия на строительстве подводного флота. Именно подводные лодки должны были наносить главные удары по коммуникациям.

И как раз в этой области Эрих Редер мог опираться на поддержку весьма энергичного офицера Карла Деница, своего ученика, которому суждено было превзойти учителя. Но сначала пройдут долгие годы второй мировой войны. Затем они оба окажутся в Нюрнберге на одной скамье подсудимых. И вот тогда первое место уже займет Дениц, а второе — Редер.

К трибуне подходит доктор Кранцбюллер. В отличие от своих коллег, носивших адвокатские мантии, он в течение всего процесса ходил в форме офицера германского военно—морского флота. Кранцбюллер даже отказался от гонорара, положенного всем адвокатам, гордо сославшись на то, что как офицеру ему выплачивается вознаграждение от германского военного флота, сохраненного в те дни в британской зоне оккупации.

Совсем недавно этот офицер был судьей на флоте. Теперь он выступает в качестве защитника своих вчерашних шефов.

Кранцбюллер: С разрешения трибунала я вызываю гросс—адмирала Деница в качестве свидетеля... Господин гросс—адмирал, с 1910 года вы кадровый офицер?

Дениц: С 1910 года я кадровый солдат, кадровым офицером стал с 1913 года.

Дальше Карл Дениц очень кратко сообщил трибуналу основные этапы своей карьеры. 3 октября 1918 года подводная

лодка, которой он командовал, затонула вследствие неисправности механизмов. Дениц приказал личному составу покинуть корабль. Немецких моряков подбирает британский эсминец. Дениц — в английском плену. В Германию возвратился в июле 1919 года. В Киле, в штабе базы, референт по учету кадров офицерского состава спросил, нет ли у него желания служить в новых военно-морских силах. Дениц откликнулся контрвопросом:

— А вы полагаете, что у нас скоро снова будут подводные лодки? Референт не сомневался в этом:

— Я думаю, года через два они у нас появятся...

И вот Дениц снова во флоте. Медленно, без особых подъемов развивается его карьера. Еще в 1930 году будущий гросс-адмирал занимал самую незначительную должность в германской военно—морской базе в Вильгельмсгафене. Но с приходом к власти фашизма карьера Деница пошла круто в гору: в 1934 году — он командир учебного крейсера «Эмден», а с сентября 1935 года — командующий флотилией подводных лодок «Веддинген». Проходит еще год, и Карл Дениц уже командующий всем германским подводным флотом.

На процессе доктор Кранцбюллер поначалу избрал весьма банальную форму защиты. Придет время, и он не без успеха для своего подзащитного сменит ее на более эффективную. Но сначала он прибег к методу, уже использованному защитником Кейтеля. На вопрос о том, является ли подводный флот орудием для ведения агрессивной войны, Дениц отвечает то, чего ждет 6т него адвокат:

— Мне кажется, что вопрос, является ли данная война оборонительной или агрессивной, это вопрос политики и ничего общего не имеет с военными делами.

На другой вопрос — имел ли Дениц какое-нибудь отношение к планированию агрессивной войны — следует, конечно же, отрицательный ответ...

Вообще, Дениц пытался и пытается создать впечатление, что ему как солдату и не положено было знать, какой характер будет носить война, в ходе которой он должен исполнить свой долг.

Кранцбюллер: Во время войны с Норвегией или во время имевшей место войны с Польшей, была ли у вас возможность проверить, что те тактические указания, которые вы должны были дать подводным лодкам, были предназначены для ведения агрессивной войны?

Дениц: Нет, у меня не было для этого ни возможности, ни вообще полномочий. Я хотел бы спросить сейчас, какой солдат, какой страны, получивший какое—либо военное задание, имеет право направиться в штаб оперативного руководства и просить

разрешения проверить или дать ему отчет о том, не приведет ли выполнение этой задачи к агрессивной войне? Это означало бы, что солдатам...

В этот момент председательствующий прервал Деница. Адвокату было указано, что заданный им вопрос является таким, на который полномочен дать ответ только сам трибунал. Но не трудно догадаться, какими словами намеревался Дениц закончить прерванную фразу. Очевидно, он хотел сказать, что солдатам некогда было бы воевать. И именно это вызвало усмешку на лицах многих из присутствовавших в зале. Командующему германским подводным флотом никак не пристало разыгрывать из себя простого солдата, человека, совершенно лишенного информации.

Что же касается Кранцбюллера, то он не был таким плохим юристом, чтобы не разобраться в сущности статьи 6 Устава Международного трибунала, которая под преступлениями против мира имеет в виду четыре формы участия в агрессии — планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны. Оставим на минуту вопрос об участии Деница в первых трех формах агрессии. Но ведь при всех условиях совершенно бесспорно, что он активно участвовал в ведении агрессивной войны и с 1943 года действовал в качестве главнокомандующего военно-морским флотом.

Справедливость, однако, требовала признать, что участие Деница в агрессии не ограничивалось лишь ведением войны. С первого же дня прихода Гитлера к власти он включился в интенсивную подготовку германского флота к агрессии.

Деницу хорошо было известно, что Версальский договор запрещал Германии строить подводные лодки. Но они строились, подводный флот рос и крепнул, в чем Дениц играл далеко не последнюю роль. Это теперь, в своих воспоминаниях гросс-адмирал пытается представить себя рыцарем без страха и упрека, человеком, решительно ничего не знавшим о нацистских агрессивных планах и тем более не совершавшим никаких преступлений. А в Нюрнберге перед лицом бесспорных доказательств Дениц вынужден был признаться, что являлся одним из приближенных Гитлера, фюрер прислушивался к мнению гросс—адмирала и весьма часто следовал его советам.

Вызванный в качестве свидетеля нацистский контр—адмирал Вагнер, как на грех, вспомнил о военно-морских маневрах 1938 года. Проводились они в связи с подготовкой к войне с Англией, и командующий подводным флотом показал там товар лицом.

А знал ли гросс-адмирал о подготовке нападения на Польшу? Дениц говорит «нет». Однако и тут его изобличают, предъявив

адресованную ему директиву Редера о ряде мероприятий, которые необходимо провести в целях такой подготовки. Издана эта директива 16 мая 1939 года, т. е. за несколько месяцев до начала войны. А 16 июля того же года Дениц сам подписал соответствующие оперативные инструкции по германскому подводному флоту.

Дениц никак не может припомнить, выражал ли ему Гитлер свою признательность за участие в подготовке нападения на Польшу. Поэтому обвинителям пришлось извлечь из архивов еще один документ — указ Гитлера от 18 сентября 1939 года о награждении Деница Железным крестом.

Тогда Дениц был воодушевлен таким знаком внимания со стороны обожаемого фюрера и горел желанием доказать ему свою преданность, свое понимание задач, стоящих перед рейхом. Ведь Польша — только начальный этап. Впереди нечто большее. Но прежде всего — Дениц и его непосредственный начальник Редер в этом уверены — надо захватить Норвегию и Данию, обеспечив тем самым беспрепятственный провоз в Германию шведской руды и создав необходимые плацдармы для ведения подводной войны в Атлантике.

В Нюрнберге же гросс-адмирал захотел вдруг отречься от былых своих «заслуг» и порывов. Неровен час, придется отвечать за агрессивную политику в той же степени, что и Герингу или Риббентропу. А ведь он лишь командовал подводным флотом. Он человек военный, и ему не оставалось ничего, кроме неуклонного исполнения приказов. Но очень уж педантичные попались обвинители: стоит только подсудимому не признать тот или иной факт, как они сразу же обращаются к документам.

Норвегия и Дания? Дениц ничего не знал о подготовке нападения на эти страны? Он не желал такого нападения? Какая досадная забывчивость! В руках у обвинителя дневник военно-морского штаба. Без труда отыскивается и любезно предлагается подсудимому запись от 3 октября 1939 года. Дениц читает: «Штаб подводного флота уже рассматривает эти гавани Атлантики (норвежские. — А. П.) как чрезвычайно полезные базы оборудования и припасов для подводных лодок, которые могут время от времени туда заходить».

То было записано 3 октября 1939 года. А через несколько дней, как об этом убедительно свидетельствует еще один документ, предъявленный обвинителями, Дениц направляет в штаб военно-морского флота меморандум под названием «Базы в Норвегии», где уже расшифровывает, какие конкретно пункты на норвежском побережье вызывают искренний интерес подводного флота! Речь идет о Тронхейме и Нарвике. Разве они не стоят того,

чтобы покончить с норвежским нейтралитетом!

Предъявив этот и многие другие документы, касавшиеся нападения на Данию и Норвегию, обвинитель заодно уж решил напомнить Карлу Деницу, что 21 апреля 1940 года Гитлер опять высоко оценил его усилия и наградил рыцарским крестом. Затем повысил и в чине: Дениц стал вице—адмиралом.

В том же 1940 году главарь нацистского заговора против мира подвел некоторые итоги своей преступной деятельности и дал оценку усилиям каждого из своих приближенных в подготовке Германии к войне. Не обошел, конечно, и Деница. В германском официальном издании «Дас Архив» от 27 сентября 1940 года о Денице сказано:

«За 4 года неустанной и в полном смысле этого слова непрерывной подготовительной работы он преуспел в доведении персонала молодого подводного флота и его материальной части до такого состояния, что этот флот стал оружием колоссальной силы. Потопление более чем трех миллионов гросс-тонн вражеских судов в течение только одного года, достигнутое действиями лишь немногих подводных лодок, говорит лучше всяких слов о заслугах этого человека».

Разбой на морях

Итак, то, ради чего много лет трудился Эрих Редер и в чем ему так активно помогал Карл Дениц, случилось — вторая мировая война в разгаре. Под стягом реванша и агрессии, с глобальными планами завоевания нацистская Германия ринулась в большую войну. И в этой войне германский флот должен был сказать свое веское слово.

Обрушившись на Польшу, нацистские вооруженные силы утверждали свое господство в Европе огнем и мечом. Германский флот вышел на простор морей. За Редером и Деницем твердо закрепилась кличка — гросспираты, хотя в истории милитаристской Германии не они именно открыли первую страницу морского разбоя, были пионерами варварских методов подводной войны. Точно так же, как Кейтель имел своих предшественников, «отличившихся» еще в 1870—1871 годах, Редер и Дениц тоже начали не с пустого места. Чудовищный разбой на морских дорогах был хорошо известен и во время первой мировой войны. Уже тогда подводники кайзера подвергали безжалостному потоплению торговые и пассажирские корабли.

С учетом этого печального опыта, с учетом развития подводного флота после первой мировой войны в 1936 году в Лондоне был подписан Протокол, установивший определенные гарантии для мирного судоходства. Редер и Дениц отлично знали (оба признали это на процессе), что военные корабли, включая подводные лодки, не могут топить или приводить в негодность для дальнейшего плавания торговые суда без предварительного обеспечения пассажирам и команде безопасного убежища. Дениц знал также, что в этом протоколе указано: спасательные шлюпки, имеющиеся на каждом судне, не могут рассматриваться как безопасное убежище для пассажиров и команды, поскольку находятся в большой зависимости от состояния моря, условий погоды, от близости земли или наличия другого судна, которое может взять людей на борт.

Тем не менее Лондонский протокол постигла та же судьба, что и другие общепризнанные нормы международного права. Редер и Дениц поставили перед подводным флотом в качестве важнейшей задачи разгромить торговые коммуникации союзников на морях, обрушить террор на торговое судоходство. А поскольку этого нельзя достигнуть, сообразуя военные действия с правилами Лондонского протокола, его надо отбросить в сторону.

Дениц разрабатывает, а Редер одобряет новую тактику

подводной войны — так называемые «волчьи стаи». Суть ее сводилась к следующему: лодка, первой обнаружившая суда противника, ведет за ними наблюдение и одновременно наводит на них возможно большее число других подводных лодок, а затем они атакуют жертву совместно. Принцип действительно волчий. Но это не помешало Деницу в своей книге «Десять лет и двадцать дней» воздавать хвалу нацистскому подводному флоту.

А на Нюрнбергском процессе рыцарей морского разбоя славословил Редер. Это он заявил там:

— Я должен сказать, что немецких матросов уважали не только в империи, но и за границей... Они завоевали это уважение своей дисциплинированностью и тем, что во время войны боролись образцово, не нарушая военных обычаев...

Но вспомним начало войны. Торговые суда многих стран мира вышли из своих родных портов еще в мирное время. Беззащитные в открытом море, они торопились скорее к безопасным берегам. Огромный пароход «Атения» имел на борту около двух тысяч пассажиров — мужчин, женщин, детей. Он был атакован подводной лодкой, торпедирован и потоплен.

Кто совершил этот пиратский акт? Кто надругался над законами и обычаями морской войны, категорически запрещающими нападение на мирные, невоюющие корабли, а тем более пассажирские?

Первой откликнулась германская печать.

В газете «Фелькишер беобахтер» появились фотография гибнущего парохода и статья с кричащим заголовком: «Черчилль потопил «Атению». В статье утверждалось: «На помещенном снимке вы видите гордую «Атению», океанский гигант, потонувший в результате преступления Черчилля. Уинстон Черчилль потопил судно с помощью бомбы замедленного действия...»

Зачем же потребовалось Черчиллю топить «Атению»? Затем, оказывается, что там в числе других находились и американские пассажиры. Черчилль будто бы «всей душой надеялся» — если эти сто американцев погибнут в волнах, гнев обманутого им «американского народа будет направлен против Германии...»

«Тени погибших призывают его на суд всего мира и вопрошают английский народ: как долго еще один из важнейших в Великобритании постов будет занимать убийца?» —с гневным пафосом вопрошала газета.

Такую версию в отношении «Атении» германское морское командование поддерживало в течение всей войны, и в арсенале английской пропаганды эта трагедия занимала весьма значительное место. Но прошли годы. Наступила развязка, и

многое стало ясным...

Как только обвинитель произносит слово «Атения», скамья подсудимых настораживается. Дениц о чем—то переговаривается с Редером. Он не может скрыть своего волнения. Ведь любые подозрения причастности германского флота к потоплению «Атении» способны положить несмываемое пятно на «безупречную репутацию» нацистских подводников. Гросс—адмиралы готовы со своей стороны сделать все, чтобы «установить истину».

Однако истина в данном случае устанавливается с помощью обвинителей. Это они представили Международному трибуналу бесспорные документальные доказательства того, что «Атения» была потоплена германской подводной лодкой «У—ЗО», которой командовал старший лейтенант Лемп. И для того, чтобы ни у кого не осталось на сей счет никаких сомнений, тут же сообщается, что уцелел один весьма важный свидетель —офицер этой подводной лодки Адольф Швидт. Он заявил в своих показаниях:

...3 сентября 1939 года пароход «Атения» водоизмещением около десяти тысяч тонн был торпедирован подводной лодкой «У—30». ...Мы поднялись на поверхность примерно через полчаса после взрыва. Командир вызвал меня на мостик, чтобы показать торпедированный пароход».

В одном из последующих боев Швидт был тяжело ранен, и его собирались списать на берег. В связи с этим командир подводной лодки потребовал расписку следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, клянусь, что буду держать в секрете все события 3 сентября 1939 года на борту подводной лодки «У—ЗО» как от врагов, так и от друзей и что я забуду о всех событиях этого дня».

«Левой рукой, — продолжал свидетель, — я очень неразборчиво подписал этот документ...»

Деницу доложили о потоплении «Атении». И что же правдолюбец? А ничего особенного — он дает указание совершить несложную подделку в судовом журнале. Из журнала была вырезана одна страница, на которой имелась запись о потоплении «Атении», и взамен вставлена другая с записью, свидетельствующей о том, что в 14 часов 00 минут 3 сентября (момент потопления «Атении») подводная лодка «У—ЗО» находилась в 200 милях к западу от места гибели парохода и его пассажиров.

В связи с этим между Деницем и английским обвинителем произошел следующий диалог.

Дениц. Нет, он (судовой журнал) не был мошеннически

подделан. Был издан совершенно четкий приказ о том, что случай с «Атенией» необходимо сохранить в тайне по политическим соображениям и поэтому должны быть изменены записи в судовых журналах.

Обвинитель. Понятно. Вам не нравится слово «подделан». Хорошо, я буду употреблять слово «изменен» для определения того, что одна страница журнала была вырезана и заменена фальшивой. Вы об этом знали?

Дениц. Да...

А как же сенсационное сообщение в «Фелькишер беобахтер»? Адмирал Шульте—Монтинг, давая в Нюрнберге свидетельские показания, сказал:

— Я не знаю до сих пор, кто был его автором. Оно исходило от министерства пропаганды и вызвало глубочайшее возмущение как у Редера, так и у нас, командования военно-морского флота.

Другой свидетель, статс-секретарь министерства иностранных дел Вайцзеккер, когда его спросили, прочел ли он это сообщение, коротко бросил:

— Я рассматривал его как изощренную фантазию.

И это тот самый Вайцзеккер, который именно в те дни заявил американскому поверенному в делах, что «Атению» потопила английская подводная лодка.

А что же Редер? Он тоже делает попытку убедить суд, что сообщение в «Фелькишер беобахтер» было для него совершенно неожиданным. Но обвинитель тут же хватает лжеца за руку. Предъявляются новые документы, и Редер признает, что сам доложил все дело Гитлеру и в результате обсуждения последовало решение дать в печать ложную информацию.

— Министерство пропаганды, — продолжает подсудимый, — которому это приказание было передано моим отделом прессы, опубликовало соответствующее опровержение... Мой приказ командующим подводными лодками гласил: все обстоятельства дела следует хранить в строжайшей тайне...

Неприятной была эта история с «Атенией». Никак не вмещалась она в схему защиты господ гросс—адмиралов. Да и не могла вместиться, ибо единственное, что, по словам Редера и Деница, их заботило, — это моральный облик германских подводников, традицией которых издавна являлось и является соблюдение всех законов и обычаев войны.

Обвинитель предъявляет меморандум Редера, направленный в министерство иностранных дел 3 сентября 1939 года, Документ гласит:

«Командование военно-морского флота пришло к выводу, что максимальный ущерб Англии может быть причинен лишь в том

случае, если подводным лодкам разрешат неограниченное использование оружия без всякого предупреждения против неприятельских и нейтральных кораблей в запрещенных зонах, указанных на прилагаемой карте».

И нужды не было спрашивать Редера, понимал ли он и его ведомство, что тем самым они собираются перечеркнуть международное право, все законы и обычаи морской войны. В меморандуме ясно сказано:

«Командование военно-морского флота отдает себе полный отчет в том, что:

а) тем самым Германия открыто нарушит соглашение от 1936 года относительно экономической войны;

б) военные операции такого рода не могут быть оправданы на основании общепринятых до сих пор принципов международного права».

Оспаривать документ не представлялось возможности — он предъявлен в подлиннике. Обнародование его явилось в некотором роде сенсацией. Не потому, что кого-нибудь на скамье подсудимых могло удивить сознательное попрание законов и обычаев войны. Удивляло другое — неосмотрительность Редера. Вот ведь Геринг говорил об ограблении, чаще всего употребляя более благозвучные слова — «организация» или «мобилизация ресурсов оккупированных территорий». А когда имелось в виду массовое уничтожение людей, в документах писалось: «Окончательное решение вопроса». Разве так беден немецкий язык, что Редер не мог найти соответствующих синонимов?

После того как меморандум был оглашен, Редер в перерыве между судебными заседаниями долго говорил о чем—то с Деницем. Видимо, он искал у него совета — как—никак этот неприятный документ был составлен в свое время в интересах прежде всего командующего подводным флотом. Но позиция Деница не могла обрадовать Редера. Окончательно она прояснилась, когда произошел очередной диалог между сэром Дэвидом Максуэллом Файфом и бывшим командующим подводным флотом.

Файф. Заявляете ли вы данному трибуналу, что подсудимый Редер никогда не консультировался с вами по этому вопросу и никогда не сообщал вам об этом до тех пор, пока предъявленные документы не были переданы в министерство иностранных дел?

Дениц. Нет. Этого он не делал.

То был удар в спину. Редер в ту минуту напоминал человека, которому вдруг не стало хватать воздуха, человека в состоянии внезапного приступа астмы. Ему, естественно, не принесла облегчения оговорка Деница, что в момент подготовки

меморандума командующий подводным флотом находился далеко от Берлина, на Балтийском побережье.

Единственно, что Дениц пожелал удостоверить, так это зависимость характера действий германского подводного флота от поведения противника. Но признать, что германский флот имел инструкцию действовать в нарушение международного права с первых же дней войны, до того как могли обнаружиться нарушения со стороны противника, — нет, увольте!..

Придет время, и тот же Дениц, держа ответ уже в качестве командующего военно—морским флотом, изберет аналогичную линию защиты: подводный флот Германии отходил от требований международного права только по мере того, как от них отходил противник. Однако в злополучном меморандуме Редера есть ведь и такая досадная фраза: «Командование военно—морского флота пришло к выводу, что максимальный ущерб Англии может быть причинен при тех силах, которые имеются в нашем распоряжении...» Значит, дело не в «ответных мерах», а в том, чтобы развязать руки подводникам и при сравнительно небольшом количестве подлодок сделать их действия наиболее эффективными.

Обвинитель переходит к другому документу. 25 сентября 1939 года проходило совещание между гросс—адмиралом Редером и бароном Вайцзеккером, статс—секретарем министерства иностранных дел Германии. Гросс—адмирала и барона связывала давняя дружба. В прошлом Вайцзеккер морской офицер и вместе с Редером участвовал в первой мировой войне. Как и во многих других случаях, сохранилась запись этого совещания. Она опять—таки не в пользу Редера. Снова речь идет о мерах по ужесточению войны, особенно в отношении нейтральных стран. Редер сам ввел в оборот термин «морские зоны». Под этим понимались обширные пространства открытого моря, в пределах которых германский флот считается свободным от выполнения норм международного права. Но объявление «морских зон» как будто предполагает, что вне их германский флот все—таки считает себя связанным правилами морской войны. Так вот, для того чтобы такое впечатление могло создаться у кого угодно, только не у командиров подводных лодок, издается специальный приказ, где подчеркивается: «Для дальнейшего ведения экономической войны требуется крайняя беспощадность». Под натиском обвинителя Редер вынужден подтвердить: в том же приказе указывалось, что в осуществлении политики беспощадности «военно—морское командование не должно быть связано какими—нибудь определенными зонами...»

И вообще ничем не связано.

Впрочем, Редер вспоминает, что где—то, в каком—то документе он все же ссылался на международное право, на «военную этику». Обвинитель был настолько предупредителен, что разыскал и этот документ. То меморандум командующего флотом от 15 октября 1939 года. Обвинитель оглашает его. И что же? Редер прав. Там действительно сказано: «Желательно все принимаемые меры военного характера основывать на существующих нормах международного права». За этим последовала пауза. Вполне достаточная, чтобы настроение старого адмирала явно улучшилось. Ну вот, ведь видите, он, Редер, не юрист, он военный человек, а про международное право не забыл!

Увы, после паузы обвинитель продолжил цитирование:

«Однако меры, необходимые с военной точки зрения и обеспечивающие решающий успех, должны проводиться даже если они не предусмотрены международным правом».

Как ветром сдуло с лица гросс—адмирала умильное выражение. Именно эти последние слова выражали самое его кредо. Он постарше других подсудимых и хорошо помнит, что еще в 1902 году германский генеральный штаб издал кодекс правил войны. И заложен был в этом документе один весьма примечательный принцип, как раз тот, который столь недвусмысленно сформулировал в своем меморандуме Редер. «Kriegs—manier» — это законы и обычаи войны. «Kriegsraison» — это военная необходимость. Так вот германские милитаристы уже давно и, в частности, в указанном кодексе поставили «Kriegsraison» выше «Kriegsmanier»: законы должны отступить в сторону перед лицом военной необходимости.

Как бы для того чтобы убедить Редера, что он исповедует именно эту милитаристскую доктрину военной необходимости, обвинитель решил вернуться к одному из абзацев того же меморандума. Там речь идет, каким образом надо обходиться с торговыми судами нейтральных стран. Да, конечно, в военное время они находятся под особой защитой международного права. Именно поэтому, дабы германские подводники не переоценили «Kriegsmanier» и, помилуй бог, недооценили «Kriegsraison», Редер разъясняет: «Решение о самом беспощадном ведении экономической войны не должно быть... ослаблено под давлением со стороны нейтральных государств, как это произошло в первую мировую войну, с ущербом для нас. Все протесты со стороны нейтральных государств должны быть отвергнуты... Чем безжалостнее ведется экономическая война, тем скорее это приведет к необходимым результатам...»

Обвинитель предъявляет доказательства, что слова

нацистских адмиралов не расходились с делами: немецкие подводные лодки подвергали торпедированию торговые суда нейтральных государств, идущие из одного нейтрального порта в другой. Редер и Дениц время от времени признают такие факты, пытаясь, однако, оправдать это варварство необходимостью голодной блокады Англии. Затем Дениц пробует убедить суд, что беспощадная война велась все-таки лишь с вооруженными торговыми судами. Обвинитель тут же наносит ему удар: еще 22 сентября 1939 года германское военно-морское командование отдало директиву о потоплении без предупреждения всех торговых судов на море. А на всякий случай командирам подводных лодок предписывалось: «Потопление торгового судна должно быть оправдано в военном дневнике тем, что это судно было принято за военный корабль или вспомогательный крейсер».

Сопротивляемость Деница постепенно снижается, а обвинитель продолжает наступать. Новый документ передается судьям.

30 декабря 1939 года морское командование обязывает подводные лодки топить все суда без какого—либо предупреждения в тех водах, где могут находиться мины. В этом случае результаты морского разбоя легко списать за счет мин.

А вот отрывок из приказа № 154, подписанного Деницем:

«Не подбирайте спасшихся и не берите их с собой. Не заботьтесь о спасательных лодках торговых судов. Условия погоды и расстояние от земли не играют никакой роли... Боритесь Только за то, чтобы достичь следующего успеха так скоро, как возможно. Мы должны быть жестокими в этой войне».

Видимо, когда составлялся этот приказ, перед глазами Деница находился текст Лондонского протокола 1936 года. Поэтому гросс—адмиралу не пришлось много трудиться: ко всем требованиям протокола подставлялось лишь одно слово, означавшее их отрицание.

В распоряжении обвинителей много журналов боевых действий германских подлодок. Время от времени оглашаются записи, которые там содержатся. Вот одна из них:

«22.02. Заметил судно по пеленгу 240°, одновременно обнаружил судно по пеленгу 300°. Первое ложится на обратный курс и, развив максимальную скорость, исчезает. Атакую второе судно, которое сохраняет прежний курс. Приблизившись, замечаю, что это пассажирский пароход с двумя трубами и только с одной фок—мачтой. Грот—мачта срублена. По—видимому, вспомогательный крейсер.

22.50. Торпедный выстрел с дистанции 1500 метров. Попадание под кормовую трубу».

«По—видимому» — такое предположение оказывалось вполне достаточным для того, чтобы пускать ко дну сотни пассажирских судов со многими тысячами женщин, детей и стариков.

Предъявляется документ о потоплении пассажирского корабля «Сити оф Бенарес». Там находилось около двухсот пассажиров, включая сто детей. В результате торпедирования все они были потоплены.

Обвинитель цитирует затем судовой журнал германской подводной лодки, потопившей британское торговое судно «Чиф Мид». И перед мысленным взором всех присутствующих в судебном зале раскрывается страшная картина:

«Гром и треск. Затем все кончилось. Всплывает масса обломков. Мы приближаемся, чтобы определить название судна. Команда спасается на лодках и обломках... Вылавливаем спасательный круг. На нем нет названия. Юноша в воде призывает на помощь: «Помогите, помогите, пожалуйста». Другие очень спокойны. Они, по—видимому, продрогли и устали. На лицах выражение холодной ненависти. Идем старым курсом...»

Обвинитель оглашает показания одного матроса с потопленного подводной лодкой тральщика «Норин Мари».

«Я плавал в воде … Немецкая подводная лодка не погружалась, а преднамеренно шла в моем направлении, и когда она была в 60—70 ярдах от меня, открыла стрельбу короткими очередями из пулеметов. Так как ее намерения были совершенно очевидны, я погрузился в воду и оставался там до тех пор, пока подводная лодка не прекратила огонь и не исчезла. Противник безжалостно расстреливал из пулемета беспомощных моряков, находившихся в спасательной шлюпке № 2».

Что это, случайность? Или то, что юристы называют эксцессом, действием командира подлодки, выходящим за пределы полученных им инструкций? Или же он прямо следовал приказу?

Дениц отвечает с негодованием:

— Я уже заявил вначале, что уничтожение лиц, оставшихся в живых после потопления судна, является нарушением солдатской боевой морали, и я никогда не издал бы такого приказа.

Дениц вовсе не настаивает, чтобы ему верили на слово. Защита просит огласить показания бывшего командира германской подводной лодки капитана 3-го ранга Ганса Витта. Этот свидетель сообщает суду о вызове его к Деницу в июне 1943 года. В то время, по словам Ганса Витта, имели место случаи обстрела британскими летчиками беззащитных моряков с потерпевших аварию германских подводных лодок.Это вызывало возмущение среди матросов и офицеров. Многие предлагали

прибегнуть к возмездию и также нападать на беззащитных британских моряков с потопленных торговых судов.

«Я воспользовался случаем, — заявляет свидетель, — чтобы доложить гросс—адмиралу об этом настроении... и узнать его точку зрения. Гросс-адмирал резко отклонил мысль о том, чтобы нападать в бою на противника, ставшего беззащитным. Даже если враг и действует столь бесчеловечно, говорил Дениц, мы не можем мстить ему такими же действиями».

Кажется, ясно. А вот обвинители не поверили и обосновали свой скептицизм документально.

3 января 1942 года Гитлер встречается с японским послом Осима. Он разъясняет послу, что, сколько бы судов ни построили Соединенные Штаты, одной из самых больших проблем для них будет недостаток персонала. Когда обнаружится, что большинство моряков погибло при потоплении судов, американцы столкнутся с трудностями в наборе новых команд. Кроме того, подготовка новых команд требует значительного времени.

— Мы боремся за наше существование — сказал Гитлер, — и в этой борьбе не должны руководствоваться какими—либо человеческими чувствами.

На этом основании Гитлер считает необходимым отдать приказ: если команда торпедированного судна не может быть взята в плен (а на море такое случается часто), подводная лодка должна подняться на поверхность и расстрелять людей, пытающихся спастись.

Дениц вспоминает и признает, что после беседы с Осима обожаемый фюрер спросил его, «нельзя ли действовать против спасательных лодок и других спасательных средств»?

Кранцбюллер. Что значит «действовать» против них?

Дениц. Это значит действовать против них оружием...

Может быть, Дениц напомнил тогда Гитлеру о Лондонском протоколе 1936 года? Отнюдь нет. Дениц предпочел издать 17 сентября 1942 года приказ, которым, по существу, реализуется преступная идея Гитлера. В день издания этого приказа Дениц записал в своем дневнике: «Внимание всех... офицеров снова привлекается к тому факту, что любые усилия, направленные на спасение членов команд потопленных судов, противоречат элементарным требованиям ведения войны, т. е. уничтожению вражеских судов и команд».

Один из командиров немецкой подводной лодки, некто Экк, уличенный в преднамеренном уничтожении моряков, спасающихся после пиратского потопления их судна, после войны был приговорен союзным судом к смертной казни. Дениц по

этому поводу заявляет:

— Он действовал по собственной инициативе и притом его целью было не уничтожить экипаж потопленного судна, а уничтожить обломки, так как был уверен, что в противном случае на следующий день из-за этих обломков будет обнаружен.

Дениц говорит об обломках, но умалчивает о людях, которые держались на них в воде, пытаясь спастись. Однако при допросе защитник гросс—адмирала косвенно признает это.

Кранцбюллер. Вы одобрили действия Экка?

Дениц. Я не одобряю его действий, так как... ни в коем случае нельзя отходить от солдатской морали.

А в чем же эта мораль? В том, чтобы не расстреливать обломки? Уже из самого вопроса и ответа на него очевидно, что, хотя и со скрипом, Дениц фактически вынужден признать, что Экк расстреливал в воде спасшихся людей. Иначе трудно истолковать и заключительный диалог адвоката со своим подзащитным:

Кранцбюллер. Кроме этого случая с Экком стал ли вам известен... другой случай, когда какой-нибудь командир немецкой подводной лодки открывал огонь по погибающим или спасательным средствам?

Дениц. Нет, я не знаю ни одного.

Но придет время, и Дениц вынужден будет признать, что не только Гитлер в беседе с Осима, но и другие правительственные инстанции считали необходимым «принятие решительных мер» по уничтожению команд потопляемых судов:

— Летом, кажется, тысяча девятьсот сорок третьего года я получил письмо из министерства иностранных дел, в котором мне сообщалось, что примерно восемьдесят семь процентов экипажей возвращается домой после потопления торговых судов.

В ведомстве Риббентропа такое положение считали «нежелательным» и спрашивали Деница: «Нельзя ли что—либо предпринять против этого?»

По мере того как обвинение методично воздвигало вокруг гросс—адмирала непроницаемую стену улик, защита тоже не дремала. Частенько она стремилась упредить очередной удар.

Помнится, однажды почтой из генерального секретариата прибыло ходатайство доктора Кранцбюллера. Адвокат просил обсудить на заседании трибунала и приобщить к делу письмо старшего лейтенанта германского флота Германа Фридриха Креса, датированное 22 января 1946 года. Вот текст этого письма:

«Защитнику гросс—адмирала Деница.

Нюрнберг, Международный военный трибунал.

В надежде на ответ мне хотелось бы сообщить некоторые

сведения о личности свидетеля обвинения Петера Иозефа Хейзига, хорошо мне известного по совместной службе на подлодке «У—977».

Хейзиг, бывший тогда первым караульным офицером, производил на командира, бывшего старшего лейтенанта флота Ганса Якоба Лейлиха, такое неблагоприятное впечатление, что он во время своего отпуска оставлял заместителем не его, а меня. Во многих критических положениях вследствие аврала над водой или подводой Хейзиг проявлял себя всегда явным трусом. Он совершенно забывал о своей ответственности и о задачах караульного офицера и думал только о спасении собственной жизни.

В кругу товарищей его не любили, так как он вел себя обособленно, неоднократно проявлял нетоварищеское отношение и лживость».

А зачем Международному военному трибуналу такие сведения об одном из многих тысяч германских офицеров? Но читатель уже знает, что в тех случаях, когда защита оказывалась абсолютно неспособной опровергнуть по существу показания того или иного свидетеля, она нередко пыталась опорочить его личность и тем самым вызвать недоверие к нему. Вот и в данном случае ходатайство доктора Кранцбюллера преследовало именно такую цель.

Комендант суда вводит свидетеля в зал.

Председатель. Как ваше имя?

Свидетель. Петер Иозеф Хейзиг.

Председатель. Повторите за мной: «Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю».

Гросс-адмирал Дениц мог уже догадаться, что эта «чистая правда» не доставит ему радости.

Обвинитель Филлимор. Петер Иозеф Хейзиг, вы были в Германии старшим лейтенантом военно—морского флота?

Хейзиг. Я служил лейтенантом во втором учебном дивизионе подводных лодок.

Филлимор. Помните ли вы последний день вашего обучения?

Хейзиг. В последний учебный день гросс-адмирал Дениц, который тогда был командующим подводным флотом, произвел смотр второго учебного дивизиона подводных лодок...

Дальше свидетель сообщил, что во время смотра Дениц произнес речь, в которой выразил свое крайнее недоумение, почему в некоторых случаях германские подводные лодки после торпедирования торговых кораблей оказывают помощь в

спасении тонущих людей. «Это значит, — говорил Дениц, — работать на руку врагу, так как спасенные команды будут действовать в дальнейшем на новых торговых судах».

Требуя от германских подводников самого беспощадного уничтожения спасающихся, Дениц разъяснил им:

— Ввиду необходимости вести тотальную войну на море в настоящий момент нужно всегда учитывать, что для подводных лодок команды кораблей являются точно такой же целью, как сами корабли. Только такой метод действия приведет к тому, что союзники не будут в состоянии укомплектовать людьми свои новые суда...

Адвокат Кранцбюллер решил смягчить впечатление, произведенное показаниями Хейзига. Он просит свидетеля:

— Скажите, пожалуйста, зная все эти обстоятельства, можете ли вы еще сказать, что в речи гросс—адмирала Деница каким—либо образом говорилось о том, что потерпевших кораблекрушение следует расстреливать?

Хейзиг. Нет, но это можно было понять из его определения «тотальная война против судов и команд». Я говорил впоследствии со своими товарищами на эту тему. Мы считали, что гросс-адмирал подразумевает именно это.

От адвоката последовал новый вопрос: приходилось ли свидетелю беседовать по этому поводу с начальником школы? Оказывается, приходилось. И более того, свидетель хорошо помнит, что последним «было рекомендовано после торпедирования кораблей уничтожать тонущих по возможности только в присутствии одних офицеров, находящихся на командном мостике подводной лодки».

Надо ли после ознакомления с этими показаниями удивляться попытке защиты заранее дискредитировать личность Хейзига!

Обвинитель вполне резонно отметил, что письмо Креса не может опровергнуть факта осведомленности свидетеля в вопросах, по которым он давал показания. Кроме того, утверждение, будто Хейзиг трус и болтун, абсолютно бездоказательно. Суд ведь установил, что он усиленно продвигался по службе и даже награждался за выполнение боевых заданий.

Тут же перед судом было возбуждено ходатайство — вызвать еще одного свидетеля, который сможет внести ясность в отношении приказа Деница от 17 сентября 1942 года. Перед Международным военным трибуналом германский морской офицер Карл Гейнц Меле. С июня 1942 года вплоть до капитуляции Германии он командовал 5—й флотилией

подводных лодок в Киле.

Меле сообщил, что во всех случаях обнаружения неясности в тех или иных приказах командующего он лично получал разъяснение в штабе подводных сил. Так случилось и с приказом от 17 сентября 1942 года. По своей сущности документ этот был настолько чудовищным, что Меле при очередном посещении штаба осведомился, так ли он понимает требования Деница. Ему все объяснили «с помощью двух примеров».

Первый пример. Германская подводная лодка обнаружила в резиновой лодке экипаж сбитого английского самолета. Так как лодка имела полную нагрузку, она не могла взять англичан на борт и проследовала дальше своим курсом. По возвращении с операции командир рассказал об этом случае в штабе командования подводного флота, и все офицеры стали упрекать его: если уж он никак не мог пленить экипаж сбитого английского самолета, то должен был, по крайней мере, уничтожить обнаруженных людей, ибо максимум через 24 часа их подберут английские спасательные суда.

Второй пример, согласно показаниям Меле, сводился к следующему: в первые месяцы подводной войны против США значительный тоннаж был потоплен в непосредственной близости от берега. Благодаря близости суши большая часть экипажей обычно спасалась. И это очень прискорбно: для торгового судоходства важен не только тоннаж кораблей, но и сохранность экипажей. Если команды потопленных судов остаются в живых, они легко могут занять свое место на новых.

В заключение Меле сообщил, что в приказах Деница упорно проводилась одна мысль: «Желательно, чтобы при потоплении торговых судов не оставалось живых».

Обвинитель. Не помните ли вы приказа относительно ведения судового журнала?

Меле. Был издан приказ о том, что потопление и другие действия, противоречащие международным соглашениям, не должны заноситься в судовой журнал. Об этом следовало докладывать только по возвращении и только устно.

Кранцбюллер. Вы разъяснили командирам подводных лодок, что он (приказ Деница. — А. П.) предполагает уничтожение спасательных средств и убийство команд? Это верно?

Меле. Не полностью... Когда командиры задавали вопросы, я только приводил те два примера, которые привели мне в штабе командующего подводными лодками. Из этого они уже сами делали вывод.

В сущности, своими вопросами к Меле защита добилась лишь того, что укрепила у судей уверенность в виновности Деница.

Главком или почтальон?

С каждым днем процесса настроение гросс—адмиралов становилось все более мрачным, хотя они и знали, что их защитники готовят один весьма эффектный ход, о котором никто пока не догадывается.

Да, много пришлось пережить Редеру и Деницу, когда обвинители предъявляли доказательства их виновности. И все же было нечто такое, что могло утешить господ адмиралов: дела многих из их соседей по скамье подсудимых оказались куда более тяжелыми. Как ни говори, пока еще обвинители не сумели доказать, что Редер и Дениц замешаны в действительно отвратительных военных преступлениях (морской разбой они не считали таковым).

Читатель помнит, с каким негодованием Дениц отклонял вопросы советского обвинителя о зверствах. И он и Редер заверяли трибунал, что об этих ужасах они узнали только в Нюрнберге. Дениц вообще был убежден, будто он угодил на скамью подсудимых только потому, что оказался преемником Гитлера.

— Именно поэтому я и сижу здесь. Но если бы мне предстояло все повторить, я не уверен, что поступил бы иначе...

А Редер? Разве история с Ленинградом не является свидетельством того, насколько расходились его взгляды и позиции Гитлера? Гитлер хотел полностью уничтожить Ленинград и издал по этому поводу специальный приказ «О будущности Петербурга». Редер же твердо высказывался за то, чтобы не разрушать город, а сохранить его целым.

Чем руководствовался он при этом? Гуманными мотивами? Или, быть может, стремлением сохранить исторические памятники? Теперь в Нюрнберге хотелось бы именно так представить дело, но не выходит! Подвел адмирал Шульте—Монтинг. В своих показаниях он сообщил об опасениях Редера за верфи, расположенные на севере Германии. Они могли пострадать от налетов союзной авиации. Редер считал необходимым перевести эти верфи на восток. Отсюда и вытекала его просьба к германскому верховному командованию не разрушать Ленинград, сохранить порт.

Но стоило только гросс—адмиралу узнать, что тотальное разрушение Ленинграда — воля фюрера, как он сам 29 сентября 1941 года издает приказ, который не оставляет места для сомнений. Документ этот тоже фигурировал в Нюрнберге. И все могли убедиться, что там сказано: «Фюрер решил стереть

Петербург с лица земли», поэтому … прежние требования военно-морского флота» не могут быть приняты в расчет.

А каково отношение гросс—адмиралов к уничтожению коммандос — английских солдат, которые в форме своей армии забрасывались на территории, занятые противником? Редер и Дениц не настолько безграмотны в международном праве, чтобы не понимать —раз солдат воюет в своей форме, то в случае захвата он имеет право на жизнь, на режим военного плена. Между тем 18 октября 1942 года Гитлер подписал приказ о передаче всех захватываемых коммандос в руки СД, где они немедленно расстреливались. Гросс—адмиралы пытаются прикинуться простачками: они не помнят о таком приказе и что—то не очень хорошо представляют себе, законен он или нет.

Редеру и Деницу напоминают — штаб военно-морского флота специальным письмом распространил этот приказ по всем подчиненным ему соединениям. И тут же обвинитель спрашивает Деница:

— Одобряли вы этот приказ или нет?

— Я отнесся к этому приказу как к приказу возмездия.

Ни Дениц, ни Редер не хотят прямо назвать его преступным. И не мудрено! Дело в том, что в июле 1943 года Дениц, как главнокомандующий военно-морским флотом, сам издал приказ о передаче в СД для расправы захваченных флотом коммандос.

Обвинитель еще и еще раз спрашивает Деница о его отношении к приказу Гитлера, и бывший главком военно-морских сил идет на «уступку». Он говорит:

— Я отрицательно отношусь к этому приказу сейчас, после того как узнал, что данные, которые привели к изданию его, не были обоснованными.

Мысль ясна — когда штаб флота рассылал приказ, у Деница не было сомнений в его законности...

Дениц лжет. Лжет бессовестно и в то же время беспомощно, безнадежно. Обвинитель напоминает ему, что писалось в письме, адресованном командирам соединений по поводу приказа о коммандос: «Этот приказ не должен распространяться в письменном виде... После доведения его в устной форме до низших инстанций сам приказ командованием соединений должен быть изъят и уничтожен».

Значит, и тогда Дениц отлично сознавал незаконность, преступность этого документа и основанных на нем действий!

А Редер? Обвинитель зачитывает выдержку из дневника штаба военно-морского флота, в которой сначала сообщается о фактах расстрела коммандос, а потом говорится : «Мера была проведена в соответствии с особым приказом фюрера, но в

противоречии с нормами международного права, так как эти солдаты были одеты в военную форму». Редер пытается отрицать существование такой записи. Обвинитель предъявляет ее адмиралу Шульте-Монтингу, который был тогда начальником штаба, и спрашивает его:

— Вам знакомы инициалы Редера? Скажите, свидетель, это выдержка из дневника боевых действий штаба ВМС?

Шульте-Монтинг. Да, я признаю, что это так.

Но вдруг Редера осенило. Он заявляет трибуналу, что в данном случае не может считать себя виновным, поскольку приказ о коммандос подписан не им, а Гитлером. Самому же Редеру довелось лишь передавать его «в нижестоящие звенья».

Я слушал эти объяснения Редера, и мне казалось, что, будь гросс-адмирал внимателен к тому, что происходило в зале суда, вряд ли он стал бы прибегать к такому аргументу. Главком флота не являлся просто почтальоном. Он передавал приказы Гитлера своим подчиненным для исполнения, о чем неизменно указывалось в препроводительных письмах.

Кейтель и Иодль повели себя умнее. Эти пробовали уверить суд, что, передавая тот или иной приказ Гитлера и сознавая его преступность, они в заранее обусловленной форме давали понять подчиненным нежелательность исполнения предписанного. В том же духе действовала и их защита. Адвокат германского генерального штаба доктор Латернзер, касаясь приказа Гитлера о расстреле советских военных комиссаров, заявил в суде:

— Главнокомандующие армиями и войсковыми группами или вообще не доводили его до сведения воих частей, или со своей стороны давали распоряжения, которые делали невозможным выполнение этого приказа.

Дело здесь не в том, что все это ложь. Важно другое: Кейтель, Иодль и их защита в сущности признали, что и самый факт передачи явно преступного приказа для исполнения является формой соучастия в совершении военных преступлений. И конечно, Международный трибунал не принял во внимание доводов Редера о непричастности его к расправам с коммандос.

Сторонним свидетелям нацистских преступлений пытался представить себя и другой гросс-адмирал — Карл Дениц. Он—де человек военный и его дело — оперативное руководство войной на море. Он не имел и не хотел иметь никакого отношения к политике на оккупированных территориях. О том, что на этих территориях был установлен террористический режим, что существовали приказы вроде «мрак и туман», он будто бы убедился только в ходе Нюрнбергского процесса.

Но Деница опять заставили выслушать документ, который

показывает, что напрасно гросс-адмирал так уж обедняет свои функции, суживает диапазон своей деятельности.

Из документа явствует, что 1 июля 1944 года встретились два человека — один из них Адольф Гитлер, другой Карл Дениц. Тот самый Дениц, который ничем другим, кроме войны на море, не занимался и не интересовался. Но какой пассаж — на сей раз эти два человека обсуждали нечто такое, что никак не укладывается в проблематику или практику морской войны. Речь шла о том, какие меры необходимо предпринять для подавления стачки в Копенгагене. Любопытно, что даже по такому вопросу Гитлер решил посоветоваться с Деницем. Тогда гросс-адмирал был горд этим. В Нюрнберге же, несомненно, проклинал тот день, когда состоялось такое совещание.

Гитлер и Дениц пришли к выводу, что «единственное оружие, которым борются с террором, — террор». Оба они глубоко были убеждены, что к услугам суда здесь прибегать не следует — «судебная процедура — архаизм», и более того, судебные процессы по такому поводу «создают мучеников».

«История показывает, что имена этих людей (т. е. осужденных патриотов. — А. П.) на устах каждого, тогда как молчание поглотит имена многих тысяч, которые потеряют свою жизнь, но без какой—либо процедуры военно-полевого суда».

Так главнокомандующий флотом высказался по сугубо политическому вопросу. Он выступил за то, чтобы людей убивали без суда и следствия, чтобы «забвение» было уделом тех, кто самоотверженно борется против фашизма.

Но Дениц протестует. Он якобы не говорил этих слов. Говорил их Гитлер, а Дениц лишь слушал. Тогда обвинитель спрашивает его:

— Значит, вы не согласны с этим заявлением? Дениц. Нет.

Обвинитель. В таком случае, почему вы разослали этот документ всем оперативным отделам?..

Ничего вразумительного подсудимый ответить не может. А обвинитель меж тем упорно добивается:

— Что именно, по вашему мнению, в этом ужасном отрывке... могло представлять ценность... для осведомления ваших офицеров?

Не дождавшись ответа, обвинитель констатирует, что это могло иметь лишь одну цель — возбудить жестокость у флотского офицерства.

Миллионы людей были угнаны с оккупированных территорий на каторгу в Германию. Их использовали на самых тяжелых работах. Вопреки запрещению международного права, они широко эксплуатировались в военной промышленности

Германии, на изготовлении оружия, которое потом направлялось против их родины, против их детей, их близких. Геббельс, как уже известно читателю, по—своему «обосновал» программу принудительного труда, заявив однажды министру юстиции:

— Лучшая мысль — это убить их путем непосильного труда.

Принудительный труд стал одним из средств массового уничтожения миллионов людей.

Человек, который может отдать приказ «топить без всякого предупреждения» торговые суда не только воюющих, но и нейтральных государств, «расстреливать людей, спасающихся на лодках», предпочитает тайную расправу в подвалах гестапо открытому судебному разбирательству — почему такой человек должен вдруг остановиться перед какой—то Гаагской конвенцией, запрещающей использование принудительного труда для производства оружия. И он не остановился! Обвинитель предъявляет текст одной речи (Дениц тоже любил, чтобы его стенографировали). Произнес ее гросс-адмирал 17 декабря 1943 года перед командующими соединениями военно—морских сил.

— Я стремлюсь иметь для военно-морского флота столько военных кораблей, сколько возможно для того, чтобы сражаться и наносить удары. Для меня не имеет значения, кто эти корабли строит.

Дениц отлично знал, кого заставляют работать на верфях. В 1944 году в меморандуме, адресованном Гитлеру, Кейтелю, Иодлю и Шпееру, гросс-адмирал писал: «Предлагаю усилить состав рабочих в доках пленными и заключенными концлагерей … особенно при строительстве подводных лодок».

Далее он похваляется террористическими мерами, предпринятыми по его указанию в целях подавления саботажа во французских доках, и заявляет, что «аналогичные меры следует принять в скандинавских странах».

А заканчивается меморандум так: «12 тысяч заключенных концлагерей должны быть использованы в доках в качестве дополнительной рабочей силы. Служба безопасности согласна с этим».

После оглашения таких документов подсудимый не смог уже утверждать, что обвинительное заключение «типичный американский юмор».

Для чего понадобились темные очки?

В юриспруденции давно сложилось понятие группового дела, т. е. дела, по которому под судом находится два или более подсудимых. Единственным основанием для такого объединения обвиняемых в одно производство может служить соучастие этих лиц в совершении преступлений.

Смысл позиции защиты Редера и Деница (хотя прямо об этом не заявлялось) состоял в том, что, мол, объединение дела гросс—адмиралов с делом Геринга, Риббентропа и других необоснованно. Еще куда ни шло, если бы их объединили с некоторыми американскими и английскими адмиралами. Об этом защита в свое время скажет, дайте только срок. Но Герингу и Риббентропу они никак не ровня.

Адвокаты, конечно, не могли не понимать, что по своему политическому калибру Дениц и Редер вполне подходят для масштабов Нюрнбергского процесса. Оба ведь занимали высокие посты, а один из них короткое время был даже главой государства.

Кстати, кратковременное пребывание в кресле фюрера особенно беспокоило Карла Деница. Его сосед Редер ушел с политической сцены вовремя и уберегся от таких милостей Гитлера, которые здесь в Нюрнберге причиняют так много неприятностей.

Впрочем, Дениц хочет думать, что всем присутствующим в зале суда ясно, почему это именно на него пал выбор, почему коченеющая рука диктатора вывела в завещании имя гросс—адмирала, а не кого-нибудь другого. Но на всякий случай он втолковывает доктору Келли, когда тот заходит к нему в камеру:

— Я стал преемником Гитлера потому, что все другие возможные кандидаты были либо мертвы, либо в опале. И я являлся единственным честным человеком...

Конечно, такое можно было сказать только в тиши тюремной камеры. Заявить то же самое в зале суда более чем рискованно. Соседи по скамье подсудимых совсем не склонны были признавать монополии Деница на «честность».

А зачем, собственно, Дениц так старался внушить своему собеседнику, что честность оказалась главным критерием, когда фюрер принимал решение о своем наместнике? Не подумал гросс —адмирал, насколько трудно будет понять, почему Гитлеру понадобилось подбирать на свое место человека, обремененного

столь непопулярным в «третьей империи» качеством. Завещание —то Гитлера полностью оглашалось в зале суда, и Дениц имел возможность еще раз убедиться, что сходящий в могилу диктатор требовал от остающихся в живых продолжать делать то же самое, чего он требовал от них на протяжении двенадцати предшествовавших лет. В подобной ситуации преемник фюрера вовсе не нуждался в большей честности, чем сам фюрер. Но Келли ничего не спрашивал, ничего не сопоставлял. Он лишь записывал, и Дениц верил, что все это будет подано в задуманной доктором книге в той форме, в какой он излагает сам. Дениц не имел основания считать тюремного психиатра нелояльным человеком.

В течение всего процесса гросс-адмирал пытался создать впечатление, что он возмущается поведением других подсудимых. Ему не нравилось, что эти люди, действительно стоявшие у кормила власти, теперь стараются уйти в тень и, более того, бросить тень на него. Это свое возмущение он опять—таки высказывает не в зале суда (там всегда можно схлопотать нечто неожиданное от соседей), а в тюремной камере. Благо, на этот раз к нему «на огонек» зашел другой тюремный психиатр доктор Джильберт.

— Вы знаете, доктор, — разглагольствует Дениц, — я не выношу людей, которые ведут себя, как флюгер — куда ветер дует. Почему, черт возьми, люди не могут быть честными!

Вот сам он вовсе не собирается отрицать, что у него сложились хорошие отношения с Гитлером. И эти отношения не ухудшались от того, что гросс-адмирал часто не соглашался с фюрером.

В Нюрнберге были оглашены многие документы, свидетельствовавшие о том, как высоко Дениц ценил фюрера.

«Германские мужчины и женщины, солдаты германских вооруженных сил! Наш фюрер, Адольф Гитлер, мертв. Германский народ склоняется в глубочайшей печали и уважении. Он рано осознал ужасающую опасность большевизма и посвятил свою жизнь борьбе против него. Его борьба закончена. Он умер смертью героя в столице Германской империи после того, как провел безошибочно прямую и непоколебимую жизнь».

Дениц не отрицает, что он так говорил в своем выступлении в связи со смертью Гитлера и закончил словами: «Сошел со сцены самый великий герой немецкой истории».

Может быть, Кальтенбруннер стал бы изворачиваться, ссылаться на то, что его речь исказили. Деницу это не пристало. Даже оказавшись на скамье подсудимых, он не в претензии к фюреру. Гросс-адмирал пытается объяснить, почему в этом

отношении его положение отличается, скажем, от положения Кейтеля. Фельдмаршала Кейтеля можно понять, когда тот все валит на Гитлера — ведь самые преступные приказы имели под собой подписи и Гитлера и Кейтеля. Совсем иное дело у Деница! Он заявляет гордо и торжественно:

— Я и со мной весь военно-морской флот ничего не знали об уничтожении безоружных людей...

Обвинитель, однако, оглашает еще один любопытный документ. Как к нему отнесется Дениц?

«Люди военно-морского флота! Священная ярость и беспредельный гнев наполняют наши сердца в связи с преступными попытками, которые могли бы стоить жизни нашему любимому фюреру. Провидение хотело обратного, провидение охраняло и защитило нашего фюрера и не оставило наше отечество в его роковой борьбе».

Нетрудно догадаться: это отрывок из речи Деница в связи с покушением на Гитлера 20 июля 1944 года. На процессе автор не рискнул пространно комментировать ее. Лишь через много лет, находясь уже на свободе, он вернется к ней в своих мемуарах.

Мобилизовав все свои способности софиста и оппортуниста, Дениц проводит здесь, как ему кажется, тонкую линию. Он, видите ли, осуждал покушение на Гитлера потому, что был уверен: если бы оно оказалось успешным, дело закончилось бы гражданской войной. Ведь «большинство германского народа продолжало поддерживать Гитлера. Массы не догадывались о фактах, которые были известны участникам движения Сопротивления и которые побудили их действовать».

А как Дениц смотрел на покушение уже после войны? Здесь гросс-адмирал проводит разграничительную линию, по одну сторону которой находился он лично и его репутация, а по другую — участники заговора. Дениц пишет, что флот (и, конечно, его командующий) не ведал о преступной деятельности Гиммлера «или о каких—либо безобразиях многих генералов и старших офицеров восточного фронта». В то же время в Германии нашлись люди, хорошо информированные о чудовищных преступлениях нацистского режима. Это — участники движения Сопротивления, участники заговора против Гитлера. И Карл Дениц с фальшивым пафосом заявляет теперь о них:

«Если немецкие мужчины и женщины по велению совести и с верой в то, что они смогут этим спасти свой народ от гибели, вступили на путь сопротивления и шли этим путем вплоть до государственной измены, я не могу отказать им в моральном оправдании...»

Ныне он понимает и признает моральные мотивы

покушавшихся. «Особенно в связи с тем, что им (покушавшимся. — А. П.) были известны масштабы истребления людей гитлеровским правительством». Отталкиваясь от этого признания, гросс-адмирал ставит риторический вопрос, полный такого лицемерия, которое заставило бы покраснеть самого Иуду:

— Как бы я действовал сам, если бы знал об этих преступлениях? И отвечает без колебаний:

— Я уверен, что ни в коем случае не примирился бы с ними и сам восстал против них.

Опять лжет господин гросс—адмирал. Ведь когда Дениц стал преемником Гитлера и перед ним возникла задача сформировать новое правительство Германии, первое, что он сделал, — это избавился от Гиммлера, решительно отказался воспользоваться его услугами. Для него было ясно, что кровавый палач не придаст респектабельности его кабинету министров. Читатель помнит признание Деница в том, что перед встречей с Гиммлером он мобилизовал всю свою охрану и на всякий случай «положил браунинг на письменный стол, с тем чтобы в любой момент им воспользоваться». Гросс-адмирал хорошо знал, какое это чудовище. Знал, но многие годы сотрудничал с Гиммлером.

И вообще, нелепо пытаться убедить кого—то в том, что участники движения Сопротивления — люди, в значительной мере находившиеся за пределами власти, подчас не имевшие никакого отношения к государственному аппарату, — знали о масштабах «истребления людей нацистским правительством», а он, Карл Дениц, не обладал такой информацией. Смешно выглядят потуги господина гросс—адмирала представить себя человеком, даже не догадывавшимся о преступлениях нацистского режима. Он сам был активным организатором и соучастником этих преступлений.

В Нюрнберге Карл Дениц не решился признать свои нацистские политические убеждения. Тогда ему уже не помогли бы никакие ссылки на неосведомленность в злодеяниях. Ведь большая часть самых страшных злодеяний нацистского режима вытекала именно из идеологических установок нацизма, широко разрекламированных в книге Гитлера «Майн кампф» и в программе НСДАП.

Дениц уверял суд, что, как человек военный, он и не хотел разбираться в политических доктринах. В Гитлере он видел не лидера партии, а главу государства, верховного главнокомандующего. Правительство и политические партии, стоящие у власти, приходят и уходят, а профессиональные военные руководители, которым народ доверяет оборону страны, остаются и обходятся без того, чтобы в каждом случае определять

свое отношение к тем или иным политическим взглядам. Если уж с ним желают говорить начистоту, то ему, Карлу Деницу, просто претили многие нацистские догмы, как и многие руководители нацистского режима. В беседах с Джильбертом и Келли он резко нападает на этих «незадачливых руководителей» О Фрике, например, говорит так:

— Это старейший нацист. Это он помог партии прийти к власти. Мы, военные, ничего не делали, кроме того, что обязаны были делать по отношению к главе государства. А теперь этот Фрик выглядит как крыса... пресмыкается... не имеет мужества подняться, чтобы защитить себя и взять свою долю ответственности. Даже пытается представить себя антифашистом при помощи показаний Гизевиуса.

И затем, распалившись, вчерашний гросс-адмирал нападает уже на «всех политиканов».

— Именно они, эти политиканы, начали войну. Они и есть те единственные люди, которые сделали возможным страшные преступления. А теперь мы вынуждены сидеть здесь, на скамье подсудимых, вместе с ними и делить позор.

Дениц вспоминает о своих сыновьях, и его «сводит с ума» сама мысль, что оба они состояли в этой «антихристианской организации «Гитлерюгенд».

Мне довелось слышать об этих беседах с Деницем еще в Нюрнберге. Потом я читал о них в книгах его тогдашних собеседников. И меня, конечно, не могла не удивлять поразительная наивность такой линии защиты, даже если она носила характер кулуарных разговоров.

Не диво, когда подсудимый категорически отрицает тот или иной факт обвинения, в глубине души надеясь только на то, что не осталось документальных доказательств или они не найдены. Но здесь ведь надеяться было не на что. В любой библиотеке имелись газетные подшивки. С избытком хватало магнитофонных лент и стенографических записей выступлений Деница.

Обвинители, конечно, широко воспользовались всем этим. Для начала предъявляется запись речи Деница на совещании командующих флотами в Веймаре 17 декабря 1943 года. Прежде чем начать цитировать ее, Деницу напомнили его предписание распространить эту речь среди старшего офицерского состава германского флота. Видимо, гросс-адмирал придавал ей особое значение. И не мудрено: уже с первых слов он раскрывает там свое кредо.

«Я твердый приверженец идеологического воспитания. Выполнение долга солдата само собой разумеется, но долг выполняется до конца и полностью только тогда, когда сердце и

дух принимают участие в деле... Поэтому нам совершенно необходимо подготовить солдата так, чтобы он стал идеологическим приверженцем нашей Германии... Мнение о том, что солдат или офицер не должен иметь политических убеждений, является вздором».

Таков был первый, но далеко не последний документ о «непричастности» Деница к нацистской политике и идеологии.

15 февраля 1944 года. В недрах вермахта уже зреет заговор против Гитлера. Весь мир глубоко потрясен омерзительными преступлениями нацистского режима. Мир получил достаточные доказательства того, как фашистская идеология способствовала созданию в Германии целого слоя палачей. «Третья империя» идет к своему закату. Именно в это время Дениц вновь выступает с речью, обращенной к офицерам нацистского флота. И вновь гросс-адмирал подчеркивает, что «весь офицерский состав должен быть настолько пропитан идеями, чтобы чувствовал себя полностью ответственным за национал—социалистское государство. Бессмысленная болтовня о том, что офицер — не политик, является вздором».

Настает весна 1944 года. Гитлеровская Германия потерпела жесточайшее поражение на полях России. Нацистские армии ведут бои в Польше и Румынии. Италия капитулировала. На западе вот—вот откроется второй фронт. Германские города в результате воздушных бомбардировок лежат в развалинах — союзную авиацию не остановили хвастливые заверения Геринга, что ни один вражеский самолет не появится в небе третьего рейха. И опять Дениц решил напомнить немецкому народу о «величайших заслугах» нацистской партии. В так называемый «день героев» — 12 марта 1944 года, обращаясь к населению Германии, он говорит:

— Что стало бы с нашей Родиной, если бы фюрер не объединил нас под знаменем национал—социализма? Разбитые на различные партии, осаждаемые распространяющимся ядом еврейства и не имея никаких средств защиты, мы давно бы уже надломились под тяжестью этой войны и передали бы себя врагу, который нас безжалостно уничтожил бы...

Так занимался витийством тогда этот человек, начисто утративший совесть.

20 июля 1944 года заговорщики организовали покушение на Гитлера. Нацистский главарь выжил, а заговорщиков повесили. Мы уже видели, как Дениц повел себя в это время. Но вот фюрер наконец понял, что пора самому покинуть этот бренный мир, иначе найдутся другие более унизительные способы, которые приведут к тому же результату. И своим преемником фюрер

назначил не Геринга и не Геббельса, не Риббентропа и не Бормана, а гросс—адмирала Деница.

Новый глава германского государства начинает свою деятельность с уже известного читателю выступления по радио, насквозь пропитанного нацистским духом. Заявляет, что Гитлер пал «смертью героя», пройдя «безошибочный» жизненный путь.

«Смертью героя»? И это говорится о том, кто, трепеща перед Судом Народов, ушел из жизни как презренный трус!

«Безошибочно»? И это — о жизни того, кто вверг германский народ в пучину ужаснейших страданий и жертв, кто своим упрямством обрек на уничтожение германские города!

Но, может быть, приняв власть от Гитлера, сам Дениц проявил больше чувства реальности и меньше упрямства, чем его предшественник? Ведь тогда советские войска уже овладели Берлином, уже встретились с союзниками в Торгау. Совершенно очевидно было, что каждый лишний день войны — это тысячи новых, и притом совсем напрасных человеческих жертв. Как поступил в такой обстановке новый глава государства?

Дениц призвал немецкий народ «продолжать борьбу». И этот его призыв занял свое зловещее место в длинном списке преступлений нацистского режима.

Карл Дениц не посмел ослушаться даже мертвого Гитлера. Он выполнил «завещание». И в своих воспоминаниях пытается объяснить необъяснимое: «Неожиданные изменения в политике, и некоторые военные события могут, однако, как учит история, изменить даже самое безнадежное положение». Вот, оказывается, почему гросс-адмирал гнал немецкую молодежь в огонь в те последние дни явно безнадежной войны.

В действительности же если Дениц на что—то и рассчитывал, то только на возможность сговора с западными державами. Но и этот расчет в майские дни 1945 года был, конечно, безнадежным.

Пытаясь замести следы, новоявленный фюрер порывает с Гиммлером, дает приказ об аресте Геббельса и Бормана. Он стремится доказать союзникам свое отрицательное отношение к нацистской клике. Дается даже предписание германскому имперскому суду начать расследование о военных преступлениях гитлеризма, привлечь к ответственности лиц, виновных в совершении злодеяний в концлагерях. Гросс-адмирал спешно сообщает об этом генералу Эйзенхауэру!

Дениц явно торопится в эти десять дней пребывания на посту главы правительства. Старается предстать перед союзниками человеком, с которым можно иметь дело. Но история сняла грим с его лица. На Нюрнбергском процессе Карл Дениц предстал перед всем миром во всей своей неприглядности.

Пройдет еще десять лет, и он сам отбросит в сторону маску аполитичного вояки. В своих мемуарах вчерашний гросс-адмирал не забудет подчеркнуть, что с детства был воспитан в монархическом духе:

«Я исконный пруссак... Еще ребенком я знал, что мой отец, как он сам выражался, позволил бы разорвать себя на куски за «старого короля Вильгельма».

А дальше следуют излияния о воспитанном с детства чувстве повиновения, которое так помогло ему потом на службе во флоте.

Уже в 1924 году Деница прикомандировывают к управлению военно—морских сил. «В мои служебные обязанности, — пишет он, — входило тогда заниматься разбором всех дел, связанных с внутриполитическими событиями... В процессе работы мне приходилось сталкиваться с рейхстагом и его отдельными комитетами. Многопартийность в правительстве, частое и открытое противопоставление партийных интересов государственным во время голосований в рейхстаге, затяжные дебаты... мне не нравились».

Дениц откровенно заявляет, что ему больше было бы по душе, если бы и в рейхстаге к решению всех вопросов «подходили по-солдатски».

До 1933 года, как повествует гросс—адмирал, в Германии были две крупнейшие партии — национал—социалистическая и коммунистическая. Рейхсверу надлежало принять решение — какую из них поддержать. «То, что он не мог стать на сторону коммунистического интернационала, было очевидно. Поэтому … рейхсвер приветствовал назначение Гитлера рейхсканцлером». И гитлеровский преемник уже не в силах скрыть своего восторга нацистским режимом: «Тот общий подъем, которым характеризовалась жизнь Германии с момента прихода Гитлера к власти, наполнял меня... чувством гордости и радости».

Да, время — великий маг и чародей. На какие превращения оно способно! Если в 1945 году Дениц убеждал всех, что он противник нацистских доктрин, то в 1956 году гросс-адмирал гордился ими.

На суде глаза Деница почти всегда были прикрыты большими темными противо—солнечными очками. Так, видимо, спокойнее, когда лжешь; порой упрямо, бессмысленно, вопреки неотразимым фактам и логике, но всегда настойчиво, а иногда и нагло. Создается впечатление, что все это говорит не живой человек, а некая маска. Маски же, как известно, не краснеют от стыда, на них не проступает растерянность. В положении Деница это было удобно.

Однако в те редкие моменты, когда гросс-адмирал

расставался с очками, можно было рассмотреть его лицо — худое и несколько продолговатое, с резкими, не по возрасту, складками, идущими наискосок от углов рта до подбородка. Высокий лоб изрезан сетью поперечных морщин. Сильно поредевшие волосы небрежно зачесаны назад и слегка набок без претензии создать иллюзию прически. Тонкогубый рот, если Дениц молчит, плотно сомкнут. Близко посаженные неопределенного цвета глаза смотрят не мигая прямо и колюче, как бы стараясь проникнуть в самые тайники того, на кого они устремлены; профессиональный взгляд опытного детектива или бывалого тюремщика. Аскет с военной выправкой. Человек, пренебрегший житейскими радостями и поглощенный одной целью. Типичный фанатик.

Но это фанатик своеобразный. Фанатик, который не дрогнет, когда дело касается судьбы не только отдельных людей, но и целых народов. Здесь он решителен. Здесь может проявить такую волю, на какую не способен даже Редер. И в то же время он расчетлив и осторожен, если дело касается его самого. Здесь «идеи» национал—социализма никогда не выведут Деница за те границы, где начнется угроза его драгоценной особе. Честь страдать и умирать во имя «великой германской империи» — он всегда предоставлял другим. Сам же предпочитает жить. В этом ключ к пониманию всей карьеры господина гросс—адмирала и некоторых ее неожиданных изгибов.

Заговор 20 июля 1944 года провалился. Заговорщики схвачены. И громче всех — «распни его!» — вопит Дениц. Его, видите ли, душит «священная ярость и бепредельный гнев».

Но минует 12 лет, казненные заговорщики войдут в моду. И Дениц прослезится: он «не знал тогда того, что знали они». Одарит их иудиным поцелуем и объявит во всеуслышание: будь он на их месте и знай то, что знали они, непременно оказался бы рядом с ними.

На суде в Нюрнберге, вопреки очевидности, Дениц пытался воздвигнуть китайскую стену между собой — военным профессионалом и «безответственными демагогами». Но пройдут годы, и Дениц в своих мемуарах станет распинаться: он—де реакционер по наследству и готов дать себя «разорвать на куски» во имя черных дел и идей германских милитаристов.

Вершины двурушничества достиг гросс-адмирал в момент крушения «третьей империи». Авантюрист до кончиков ногтей, он как завороженный смотрит на ту тень высшей власти, которая передана ему волей фюрера. Подсознательно понимает всю ее иллюзорность и тем не менее не в силах от нее отказаться. Делает все возможное и невозможное, чтобы удержать эту власть и уцелеть самому.

Англо—американцев он надеется привлечь на свою сторону, объявляя священной дальнейшую борьбу на Востоке. Остатки германской армии, измученный народ он призывает к этой борьбе именем фюрера, неумеренно куря ему фимиам. Авось сила инерции сработает еще раз! И одновременно указывает на дверь Гиммлеру, дает приказ об аресте Геббельса и Бормана. Бог мой, как бешено вертится политическая карусель!

О каждом своем шаге гросс—адмирал, как и прежде, подобострастно докладывает по команде. Только адрес теперь другой — не рейхсканцелярия, а ставка Эйзенхауэра.

Он бы еще и не так развернулся в своем политическом балагане, если бы справедливость не положила ему на плечо свою тяжелую руку.

Тишайший Редер

Два гросс—адмирала сидели на скамье подсудимых рядом. Но близко наблюдавший их доктор Келли находил определенное различие в их прошлой деятельности:

«Редер имел в виду использовать Гитлера для флота, Дениц стремился служить Гитлеру при помощи флота».

Вряд ли можно признать эту формулу бесспорной. Тем не менее определенный резон в ней есть.

Среди подсудимых не было человека старше Редера. За свои долгие годы службы он создал себе хорошую репутацию у Вильгельма II и у Бетман—Гольвега, у Гинденбурга и Людендорфа, у Брюнинга и Штреземана, у Папена и Шлейхера. Едва ли Эриха Редера можно причислить к разряду тех участников нацистской клики, от поведения которых зависело слишком много в гитлеровской Германии. Но при всем том, как мы видели, Редер играл весьма значительную роль в подготовке «третьей империи» к мировой войне, в развязывании целой серии агрессивных войн. И делал он свою работу с большим рвением, а в отношении Норвегии, например, даже с энтузиазмом.

Родился Редер в 1876 году в Вансбеке под Гамбургом. Службу в германском флоте начал в 1894 году. Менее чем через три года был произведен в офицеры. А дальше, как определил в своих показаниях сам подсудимый, шло «самое обычное продвижение». Два года в военно-морской академии и каждый год по три месяца отпуска для изучения иностранных языков. Ездил в Россию во время русско-японской войны. С 1906 по 1908 год служил в имперском управлении военно-морского флота, в отделе информации у адмирала Тирпица. Занимался там иностранной печатью. С 1910 по 1911 год состоял навигационным офицером на яхте кайзера «Гогенцоллерн». С 1912 года был первым штаб-офицером и начальником штаба при адмирале Хиппере. В 1915 году командовал крейсером «Кельн».

Кончилась первая мировая война, и Редер назначается на пост начальника центрального отдела в адмиралтействе. Затем он два года «писал историю морской войны в архиве военно-морского флота». С 1922 по 1924 год, будучи уже контр-адмиралом, занимал пост инспектора отдела воспитания и обучения германского военно-морского флота.

В 1925 году Редер покидает Берлин, перебирается на север и уже в звании вице—адмирала командует военно-морской базой в Киле.

Важная веха в его карьере — 1 октября 1928 года: по

предложению военного министра Тренера Эриха Редера назначают на пост начальника штаба германского военно-морского флота.

Еще более значительная веха — 30 января 1933 года. К власти в Германии приходит Гитлер. Один из первых шагов фюрера — назначение Редера главнокомандующим военно-морским флотом.

В 1937 году Редер получает из рук того же Гитлера золотой значок нацистской партии. В следующем году обладатель значка становится членом тайного совета.

В 1939 году, как заявил Редер трибуналу, у него созрело намерение уйти в отставку. Но Гитлер присваивает ему звание гросс-адмирала. А через несколько месяцев разразилась вторая мировая война, которая в 1945 году закончилась полным разгромом вооруженных сил Германии. Редер переживает вторую капитуляцию, куда более страшную для него, чем первая. Затем Нюрнберг и печальная необходимость дать ответ за свои преступные действия.

Мне пришлось не только слушать показания Редера на суде, не только наблюдать его там. Я имел возможность прочитать то, что он писал, будучи в плену в СССР. В этом очень пространном документе Редер дает характеристику времени, когда он действовал на политической арене, и оценивает тех, с кем потом находился на скамье подсудимых. Читая все это, я опять удивлялся наивным его попыткам представить себя ангелом в аду. Он был весьма реалистичен, когда принимался рассказывать о Гитлере и Геринге, Денице и Риббентропе. И вдруг начисто утрачивал это качество, как только дело касалось его самого.

И Редер и Дениц служили одному делу. Но Редер гораздо раньше вышел на орбиту большой политики. Свое положение командующего подводным флотом, а затем и Главнокомандующего всем флотом Германии Дениц получил из рук Гитлера. А Редер стал фактическим руководителем германского военно-морского флота, когда Гитлер только карабкался к власти. В этом смысле положение Редера было аналогичным положению Шахта, Нейрата и Папена. Политическое кредо Деница формировалось в значительной мере под влиянием программы нацистской партии, которой он обязан был своим возвышением. Взгляды же Редера полностью сложились еще до прихода нацистов к власти. Более того, как раз Редеру было хорошо известно, что именно руководители рейхсвера, к которым принадлежал и он, сыграли решающую роль в формировании военно-политической программы нацистской партии. Ему не требовалось растолковывать, что именно

Людендорф и Сект стояли у колыбели этой партии.

Главное, что определило союз немецких милитаристов с нацистской партией, заключалось в общем убеждении: Германия должна осуществить всеобъемлющий план завоевательной войны, лишь первой стадией которого будет решение реваншистских задач. У Редера никогда не возникало никаких сомнений насчет такого плана и его реализации. Потому—то он в течение ряда лет и шел рядом с Гитлером. Именно в этом смысле утверждение Келли, что Редер стремился использовать Гитлера для флота (т. е. для целей осуществления программы агрессии), имеет определенное основание.

Можно допустить, что гросс-адмиралу Редеру отдельные крайности в политике нацистской партии были столь же антипатичны, как, скажем, и Гинденбургу. Можно в какой-то мере поверить, что его, как и Шахта, коробило кликушество, связанное с культом Гитлера, все эти уличные погромы, которые подрывали престиж империи за границей, что на него произвела отвратительное впечатление позорная расправа над Бломбергом и Фричем.

Но это лишь частности. В основном же и главном Редер был вместе с Гитлером и заодно с ним. Он без колебаний делает все, на что рассчитывал фюрер, назначая его главнокомандующим флотом. Напрасно Редер возмущался тем, что обвинители не хотели якобы замечать существенной разницы между ним и Герингом или Риббентропом. Без него, как и без Кейтеля, без той значительной группы Вильгельмовских генералов и фельдмаршалов, которые пошли на союз с Гитлером, вовсе не было бы нацистского режима, а следовательно, и его крайностей.

Сам Редер на процессе в Нюрнберге старался представить себя только «военным специалистом», весьма далеким от политики. Однако ему, как и Деницу, очень мешали здесь документы, оказавшиеся в руках трибунала.

Вот текст речи Редера, произнесенной 12 марта 1939 года. Она изобличает гросс—адмирала в его агрессивно—милитаристских убеждениях и политическом единомыслии с нацистами. Этот документ показывает, что Редер ясно сознавал, какая органическая связь существовала между германскими милитаристами и Гитлером. Послушайте, что он говорил тогда: «Германскому народу был подарен его великий фюрер. Германский народ сделал своим мировоззрением национал—социализм, рожденный из духа германского фронтовика».

Явно не заботясь о будущем и не допуская, что оно может быть таким, что он пожалеет по поводу сказанного, Редер требует «беспощадного объявления войны большевизму и

международному еврейству».

Советский обвинитель Ю. В. Покровский, предъявивший эту речь, ставит подсудимого в весьма деликатное положение. С одной стороны, надо, конечно, отказываться от таких взглядов, а с другой — Редеру, видимо, не хотелось предстать перед судом в положении того самого флюгера, с которым сравнил его Дениц. Редер пытался вилять, уйти от самого себя:

— Во время официальной публичной речи, с которой я выступал по поручению правительства, я не мог изложить других взглядов, которые могли иметься лично у меня. Эта позиция была выражена в соответствии с государственным характером речи.

Он сознает, что то государство, которому служил, причинило человечеству много горя, но утверждает, что подлинные причины и масштабы зла стали известны ему только в Нюрнберге. Пусть трибунал расценивает это, как считает нужным, но Редер все же хочет сообщить, что даже, не будучи полностью осведомленным, он тем не менее не раз предпринимал попытки уйти в отставку. Оказывается, еще перед войной многие события породили у него «тяжелые сомнения в искренности фюрера».

А хорошо известный факт ненавистного отношения к Редеру гестапо! Еще бы! Гейдрих, всемогущий Гейдрих, до 1929 года был морским офицером и в соответствии с решением суда чести уволен Редером «за аморальное обращение с юной девушкой». Сообщая об этом, Редер заключает:

— Этого он мне никогда не забывал и старался соответствующим образом настроить против меня своего шефа — Гиммлера.

Гейдрих, оказывается, не упускал случая доносить фюреру о попытках гросс—адмирала помочь заключенному в концлагерь пастору Нимеллеру, бывшему в первую мировую войну командиром подлодки. Доносил он и о том, что Редер старался сохранить во флоте способных офицеров—неарийцев, и даже о посещении гросс—адмиралом «ряда еврейских семейств».

Но имелись ли у Редера возможности осуществить свое намерение уйти в отставку? Оказывается, тоже имелись:

— Я мог бы в качестве основания привести врачебное заключение, по которому еще в тысяча девятьсот тридцать четвертом году мне оставался только один год жизни вследствие расстройства кровообращения...

Достаточно было и поводов для оставления поста главнокомандующего.

Однажды (это случилось в 1938 году) Редер докладывал Гитлеру планы строительства кораблей. Фюрер позволил себе грубо обойтись с ним, и гросс-адмирал решил подать в отставку.

Однако Гитлер «просил... ни при каких обстоятельствах не уходить сейчас». И он тут же изменил свое решение.

Далее Редер рассказал о второй своей неудачной попытке уйти на покой:

— Адъютант фюрера по военно—морским делам... хотел жениться на молодой девушке, которая жила в Киле и пользовалась в университете дурной славой. Я сказал фюреру, что не дал бы на это разрешения. Фюрер приказал представить ему эту девушку и сказал затем, что он не имеет ничего против этой женитьбы. Я уехал из Бергхофа и послал фюреру со штабным офицером письмо, в котором писал, что не разрешаю адъютанту жениться на этой девушке. А если тот женится, то он должен будет уйти из военно-морского флота или я уйду со своего поста...

На этот раз Гитлер сделал будто бы такой коварный шаг: он разрешил офицеру жениться, уволил его со службы в военно-морском флоте, но оставил своим адъютантом по партийным вопросам.

— Для фюрера это было характерно, — глубокомысленно размышляет Редер. — Он всегда стремился до конца поставить на своем. Однако офицер все—таки вынужден был уйти из флота... При таких обстоятельствах я выразил готовность служить дальше.

Ситуация прямо юмористическая. Невольно вспоминается заявление самого же Редера о том, что в 1941 году он открыто выступал против войны с СССР, но Гитлер не посчитался с его мнением. Так вот тогда гросс-адмирал не поставил вопрос об отставке. Конфликт же по поводу женитьбы какого—то офицера на девушке, которую Редер считал блудницей, оказался достаточно веским основанием, чтобы грозить Гитлеру отставкой.

Весной 1939 года Редер будто бы в третий раз просил об отставке, но 1 сентября началась война.

— Я считал, что при любых обстоятельствах не имею права покинуть военно-морской флот во время войны без крайней к тому необходимости...

Такая крайняя необходимость вскоре, однако, возникла. В конце 1942 года между

Гитлером и Редером произошел спор об использовании больших кораблей. Гитлер питал к ним недоверие, полагал, что они устарели. Редер придерживался противного мнения. Так завязался конфликт, который гросс-адмирал и использовал. Вот на этот раз он действительно решил проститься со службой.

— Я заявил, что мне шестьдесят семь лет, что мое здоровье не в порядке.

Фюрер якобы опять возражал. Заявил даже, что уход Редера

означал бы «большую потерю лично для него». Но здесь гросс-адмирал проявил твердость.

Это было время тяжелейших боев на берегах Волги. Катастрофа под Сталинградом являлась вопросом дней. Как человек военный, Редер понимал — Германия идет к поражению. Самое время ретироваться. И он ретировался, передал свой пост Деницу.

Началась частная жизнь Эриха Редера. Он обосновался под Берлином в своем имении. И очень скоро обнаружил, что переживать поражение куда проще здесь, чем в кресле главнокомандующего. Пусть эта сомнительная честь принадлежит теперь тому, кому даже в такое время льстит пребывание в окружении фюрера.

20 июля 1944 года. Покушение на Гитлера. В Берлине пополз слух, что Редер причастен к этому. Если верить гросс—адмиралу, то эту ошеломляющую новость принес ему зубной врач доктор Вебер. Редер понимает, что такой слух мог быть распущен «фирмой Геринга или Гиммлера». Он отдает себе отчет, чем это может кончиться. И спешит засвидетельствовать свои верноподданнические чувства:

«Еще 21 июля я позвонил по телефону адмиралу Вагнеру в ставку фюрера и попросил получить для меня разрешение 22 июля лично выразить мою радость по поводу его спасения».

Вымолив аудиенцию, трусливый и холуйствующий, он поздравляет Гитлера с избавлением от опасности, клянется в лояльности, а под конец выбрасывает совсем уже смердяковское коленце:

«При отъезде, — вспоминает Редер, — постарался обратить внимание охраны на то, что она пропустила меня с заряженным револьвером в кармане обедать наедине с фюрером. Это могло бы облегчить акт покушения, если бы только, в приступе сумасшествия, я вздумал это сделать».

В судебном зале, так же как и другие его коллеги по скамье подсудимых, Редер стоял на том, что никогда и ничего не знал о страшных преступлениях режима, которому так верно служил. Лагеря? Камеры уничтожения? Пытки? Он, Редер, решительно ничего не ведал об этом. И тут одним из заключительных аккордов по его делу прозвучала история с Гесслером. Человек этот занимал в Веймарской Германии пост военного министра. Случилось так, что в связи с событием 20 июля 1944 года Гесслер угодил в концлагерь. Каким—то образом он дал знать Редеру, что арестован по недоразумению, и просил поддержки. Редер обратился в ставку. Оттуда ему сообщили, что, по данным СС, Гесслер замешан в покушении.

— Так как у меня не было оснований не верить указанному официальному органу, я прекратил все попытки и старания, — заявляет гросс—адмирал.

Но вот в марте 1945 года Гесслера освободили. Он встретился с Редером и рассказал, что «был подвергнут пыткам, во время которых ему забивали деревянные клинья между пальцами». Гесслеру стало известно, что «эти пытки производились по приказу фюрера». И что же Редер?

Гросс-адмирал дает четкий ответ:

— Когда я получил это известие, первое, что сделал, — пошел со своей женой на озеро за моим домом и бросил в воду свой золотой партийный значок.

Обвинитель осведомляется: нельзя ли считать, что это был первый протест гросс—адмирала против политики нацизма.

Редер. Я всегда заявлял решительные протесты...

Но сколько ни рылся в своей памяти подсудимый, кроме истории с женитьбой адъютанта на девушке «с дурной славой», ничего конкретного припомнить не мог. Да вот еще увидев следы пыток на руках у своего бывшего начальника, оглядевшись и убедившись, что русская армия уже за Одером, союзные войска за Рейном, а главное, что Гитлера поблизости нет, гросс-адмирал взял да и бросил в озеро золотой значок нацистской партии. Как —никак это проще и дешевле, чем, скажем, демонстративно вернуть полученную от Гитлера незадолго до отставки награду — 250 тысяч марок!

Май 1945 года. Самоубийство Адольфа Гитлера. В своих московских показаниях Редер дал этому факту такое объяснение:

— Я убежден, что ему не оставалось иного пути после того, как он резко критиковал поведение Вильгельма II, бежавшего (после поражения Германии. — А. П.) в нейтральную страну, и после того, как... довел немецкий народ до такого ни с чем не сравнимого ужасного положения.

Конечно же, в этом лаконичном комментарии нет ни слова о собственной ответственности за многолетнее сотрудничество с фюрером и верную службу ему. А ведь Редер хорошо знал, с кем связал свою судьбу, свою карьеру. Столь же хорошо, как и Гитлер знал Эриха Редера, энергичного и верного помощника, до тех самых времен, пока на горизонте не обозначились явственно результаты Сталинградской битвы.

На Нюрнбергском процессе Редер, в отличие, скажем, от Геринга, вел себя тихо, стремился ни с кем не вступать в конфликты, никого ни в чем не упрекал. «Тишайший Редер» — так его и звали. Он—то сразу усвоил — затронь кого-нибудь, и посыплются неприятности... И все же выдержать такую тактику до

конца не удалось. Неожиданно ворвался еще один документ и вызвал страшную бурю.

В 1945 году в Москве следователь спрашивал Редера, что он думает о тех, с кем много лет сотрудничал. Там с ним обращались, как оценил сам гросс—адмирал, «истинно по—рыцарски». Где—то в глубине души у него затаилась надежда, что ему уже не придется больше свидеться со своими бывшими коллегами. Советские следователи, не связывая Редера никакими формальностями, дали ему возможность изложить свои соображения, как ему заблагорассудится. И он изложил.

Но истекли несколько месяцев. Из Москвы пришлось переехать в Нюрнберг и предстать перед Международным трибуналом.

У пульта советский обвинитель Ю. В. Покровский.

Покровский. У меня остается к вам последний вопрос. Не было ли сделано вами 28 августа 1945 года в Москве письменного заявления о причинах поражения Германии.

Редер. Да, это так. После поражения я очень детально занимался этим вопросом.

Обмен такими репликами вызвал большую озабоченность на лицах подсудимых. Что «тишайший Редер» написал о них, какой еще сюрприз подготовил?

Редеру передается копия его московских записок. Автор заметно бледнеет и старается не смотреть на скамью подсудимых. Его просят найти определенные выдержки, и Редер нервно листает документ.

Вот она, первая: «Мое отношение к Адольфу Гитлеру и партии. Роковое влияние на судьбу немецкого государства оказала личность Геринга...»

Совсем сник господин гросс—адмирал. Он чувствует, что кроме суда ему придется еще держать ответ перед рассвирепевшим Германом Герингом и другими по—разному настроенными «коллегами».

Покровский. Вы нашли это место?

Редер. Да, я нашел...

Покровский вслух повторяет уже прочитанные Редером строки и следует по тексту дальше: «Невообразимое тщеславие...»

В этот момент к трибуне неровным шагом подходит адвокат Редера доктор Зим—мерс.

— Разрешите мне попросить у вас один экземпляр с тем, чтобы я мог следить... Адвокат получает просимое и удаляется на свое место. К нему тянутся другие защитники. Все вместе впиваются в текст.

Вскоре возникает спор.

Зиммерс. Господин председатель, разрешите мне высказаться как раз по поводу этого документа.

Ему предоставляется слово, и он начинает доказывать, почему «не следует оглашать эти выдержки».

К трибуне подходит американский обвинитель:

— Господин председатель, есть причина для того, чтобы зачитать этот документ. Обвинитель объясняет: в документе содержится нечто такое, что может вызвать желание других подсудимых передопросить Редера.

Адвокатов, а вернее многих подсудимых, это не устраивает. Зиммерс опять бросается в атаку. Американский обвинитель просит прекратить спор:

— Мне кажется, что так мы потеряем гораздо больше времени, чем если бы полковник Покровский зачитал этот документ... Его все услышат, и если кто—либо захочет задать... вопросы, то это можно будет сделать очень быстро.

Зиммерс. Господин обвинитель ошибается, если считает, что подсудимые еще не знают этого документа...

Но все тщетно. Советский обвинитель уже оглашает выдержки из показаний Редера:

«Геринг оказал гибельное влияние на судьбу немецкой империи. Его характерными чертами было невообразимое тщеславие, честолюбие, стремление быть популярным, пускать пыль в глаза, неверность, эгоистичность, которые он не пытался сдерживать ни ради государства, ни ради народа. Он особенно отличался своей жадностью, расточительностью и изнеженными манерами, несвойственными солдату. Я убежден, что Гитлер понял его очень скоро и воспользовался им, поскольку это отвечало его целям, и он поручал ему выполнение все новых и новых задач с тем, чтобы обезопасить его для себя».

Ю. В. Покровский делает короткую паузу, спокойно перелистывая документ, и останавливается на странице 24:

«Фюрер старался показать, что его отношение ко мне является хорошим. Он знал, что я пользуюсь почетом и доверием в действительно авторитетных кругах немецкого народа так же, как, например, барон фон Нейрат, граф Шверин фон Крозиг, Шахт и другие, чего нельзя было сказать о Геринге, фон Риббентропе...»

Трудно передать, что происходило в это время на скамье подсудимых. Куда ни шло, если бы Редер всех постриг под одну гребенку. А то ведь одних он топит в грязи, а других возводит в князи. «Виновник торжества» чувствует себя как на горячих угольях. Он пытается оправдаться:

— Я никогда не рассчитывал, что эти мои заявления станут

известны общественности. Эти записи предназначались лишь для меня и для моей позднейшей оценки событий...

Но исправить положение уже нельзя. Джин выпущен из бутылки. И все же Редер продолжает:

— Я хотел бы, господа судьи, особенно попросить о том, чтобы то, что я сказал о гос—

подине генерал—полковнике Иодле, также было включено в протокол заседания... В частности, я хотел бы сказать, что поведение генерал—фельдмаршала Кейтеля в отношении фюрера позволило ему долгое время поддерживать с ним терпимые отношения, в то время как если кто—нибудь другой находился на этой должности, то ежедневно или через день происходили бы столкновения с фюрером и тогда была бы невозможна работа всех вооруженных сил...

Зачем вдруг Редеру понадобилось подымать так Кейтеля? Это нетрудно было понять, памятуя предшествовавшую тому весьма любопытную сцену.

Когда еще шел спор между обвинителями и защитой — зачитывать или не зачитывать на суде московские показания Редера, Иодль сказал своему адвокату:

— Пусть зачитывают.

Но Кейтель, метнув на Иодля злобный взгляд, требовал от своего защитника совсем иного. Указывая пальцем на Покровского, он шипел:

— Остановить его!

Редер чувствовал себя весьма неуютно в одном метре от Кейтеля. Он—то помнил, что написал о нем. И советский обвинитель, конечно, не пропустил этого места, процитировал самые убийственные строки:

«Теперь следует упомянуть о человеке совершенно другого плана, который, занимая одно из самых влиятельных положений, оказал неблагоприятное воздействие на судьбу вермахта. Начальник ОКВ Кейтель — человек невероятно слабый, именно благодаря такому качеству довольно долго пребывал в этой должности: фюрер мог обращаться с ним очень плохо, и Кейтель все сносил... Партия насиловала армию в различных вопросах из года в год во все возрастающей степени, и она всегда находила поддержку у Кейтеля и его советника по внутриполитическим вопросам — генер~ала Рей—неке. Кейтель не пользовался никаким почетом в армии... Совершенно иным был генерал—полковник Иодль, который, собственно, и являлся оперативным руководителем в верховной ставке. Свои обязанности в области планирования он выполнял в течение ряда лет с большим спокойствием и знанием дела, с прозорливостью и верным

суждением. Он, по всей вероятности, был в генштабе единственным армейским офицером, который отдавал себе отчет в понятии «главнокомандование» и соответственно этому действовал. Он полностью удовлетворял требованиям, предъявляемым к человеку, занимающему столь трудный пост...»

После этого, видимо, уже нет необходимости объяснять, почему по—разному отнеслись к спору между защитой и обвинением Кейтель и Иодль. Понятным становится и то, почему вдруг Редер счел необходимым несколько отретушировать нарисованный им ранее портрет Кейтеля.

Но уж кто был, пожалуй, больше других «поражен и возмущен» московскими показаниями Эриха Редера, так это гросс-адмирал Карл Дениц. Еще бы! Это ведь о нем Редер писал:

«Наши взаимоотношения были довольно холодными, поскольку мне не нравилось его высокомерие и его зачастую бестактное поведение. Ошибки, которые он допустил, были вначале известны только офицерскому корпусу, но затем стали известны всем. Они причинили ущерб военно—морскому флоту... Сильное подчеркивание Деницем партийной стороны в морских делах затрудняло ему руководство флотом.

Своей последней, критикуемой всеми кругами, речи, обращенной к «Гитлерюгенд», он обязан иронической кличке «Гитлерюнге Дениц». Это не очень способствовало укреплению его авторитета. У фюрера же он завоевал большое доверие, так как иначе нельзя объяснить назначение Деница шефом управления Северной Германией. Занятие этого поста главнокомандующим морского флота показывало, насколько дороги ему интересы флота, на руководство которым едва хватало его способностей. Его приказы в новой должности преемника фюрера показали, насколько плохо он понимал положение Германии, призывая в прежнем тоне к дальнейшему српротивлению. Он сделал себя посмешищем, чем вредил также флоту. По моему убеждению, он потерял в этот период последние симпатии в Германии...»

В тот же день в камеру к Деницу заглянул доктор Джильберт. В руках у него копия московского заявления Редера.

— Смотрите, адмирал, я не знаю, должен ли еще иметь с вами дело. Ваш собственный начальник весьма неважно о вас отзывается.

Дениц кипит:

— Здесь, доктор, все вранье. Вы знаете, почему он это писал? Потому, что он ревновал, завидовал тому, что мы со Шпеером добились резкого увеличения производства подлодок по сравнению с его старыми методами... «Гитлерюнге» — это ложь.

Меня так никогда не называли. Редер — старый, завистливый человек. Он зол не только потому, что я заместил его, но и оттого, что в действительности сделал больше, чем он. И еще потому, что я стал главой государства, хотя когда—то был его подчиненным.

Не собираюсь здесь выяснять, насколько правы или не правы Редер и Дениц во взаимных комплиментах. Одно лишь ясно: вряд ли можно было после Сталинграда завидовать тому, кто брал на себя бремя командования немецким флотом, и уж, во всяком случае, тому, кто взял на себя сомнительную честь стать на одну неделю фюрером Германии, потерпевшей полное поражение.

Да, оглашение «заявления» не доставило радостей ни Деницу, ни Герингу, ни Кейтелю и ни самому Редеру.

На сохранившихся у меня фотоальбомах Нюрнбергского процесса запечатлен в числе других внешний облик старейшего подсудимого и старейшего из военных, державших ответ перед Международным военным трибуналом. Это человек среднего роста, плотный, в темном костюме с игриво торчащим кончиком белейшего носового платка в верхнем наружном кармане пиджака. Странно, но факт: бывший гросс-адмирал ничем не напоминает кадрового военного, почти полвека отдавшего флоту. Во всяком случае, властность и воля не проступают на его крупном большеносом лице. Скорее, в нем есть что—то лакейски приказчичье. И когда Редер слушал вопросы прокурора или судьи, слегка склонив набок голову с почтительным выражением в глазах, так и казалось, что он не то принимает заказ капризного клиента в дорогом ресторане, не то делает максимально возможное, чтобы заставить раскошелиться богатого покупателя в антикварном магазине. Даже его прическа полностью вписывается именно в такое представление о нем: сильно редеющие волосы рассечены пробором ровно посередине. Правда, ниточка пробора уже давно превратилась в широкую аллею и на темени переходит в круглую поляну.

Весь облик Редера являет собой что—то приниженное, что—то слишком земное, то, что очень хорошо укладывается во французское крылатое выражение «земля на земле». О таком можно смело утверждать: высокая, благородная, творческая мысль никогда не посещала эту голову.

Именно такой человек и способен на неуклюжие жесты, вроде того, который был сделан Редером, что называется, под занавес: он ходатайствовал перед Контрольным Советом по Германии о замене пожизненного заключения расстрелом. Смело ходатайствовал, ибо не трудно было получить разъяснение у своего адвоката, что Контрольный Совет, как и любой орган

высшей власти, может только смягчить положение обращающегося к нему осужденного, а отнюдь не усилить наказание. Это юридическая азбука. Редер рассчитывал лишь на то, что этот жест не ускользнет от журналистов, а возможно, будет отмечен и историками.

Невежественные, а скорее, просто недобросовестные люди среди журналистов, конечно, нашлись. Отыскались такие и в числе историков. Не без их старания имя Редера было внесено в список почетных граждан города Киль.

Что оспаривал судья Фрэнсис Биддл

Вряд ли у кого—либо из судей Международного трибунала существовали сомнения, какой приговор вынести Герингу, Кейтелю, Риббентропу, Кальтенбруннеру.

Из обмена мнениями во время организационных заседаний уже можно было заключить, что некоторые судьи настроены оправдать Шахта и Фриче.

А Редер и Дениц? Здесь на основании того, как развертывались события в зале суда и особенно в организационных заседаниях, заранее угадывался большой спор.

Конфликт определился окончательно, когда защита гросс—адмиралов заявила последнее свое ходатайство. Это был тот самый ход, о котором адвокаты до поры до времени умалчивали, но на который делали основную ставку. Ход, который вселял оптимизм и в саму защиту, и в подзащитных, и даже в родственников последних. Именно тогда жена Деница, выполнявшая обязанности секретаря его адвоката, уговорила солдата из американской охраны положить в перерыве между судебными заседаниями крошечный букетик цветов на место гросс—адмирала. К букетику была прикреплена записка: «Мы гордимся тобой. Все идет у тебя прекрасно, только не теряй терпения».

В то же время нельзя сказать, что обвинение чувствовало шаткость своих позиций и сомневалось бы, как суд оценит предъявленные доказательства в отношении Деница и Редера. В своих воспоминаниях о процессе, опубликованных в журнале «Штерн» в 1965 году, Кранцбюллер пишет:

«Обвинение гросс—адмиралов Деница и Редера вел сэр Дэвид Максуэлл Файф, с которым мне пришлось скрестить клинки. Все боялись его острого слова. И тем не менее наша полемика на процессе не изменила отношения к нему, как к человеку. Я не забуду, как за день до оглашения приговора он пришел ко мне попрощаться. Когда я спросил его — разве он не будет присутствовать при объявлении приговора, он ответил: «Буду, но после этого, вы, быть может, не захотите больше подать мне руку».

Однако мы несколько забежали вперед. Вернемся к последнему ходатайству защиты гросс—адмиралов. Оно было весьма деликатного свойства: разрешить ее представителю отправиться в Лондон и собрать там кое—какие дополнительные данные. Защиту интересовали прежде всего секретные приказы по британскому флоту за период с 1939 по 1940 год.

— Эти документы, — настаивали адвокаты, — важны потому, что среди них имеются приказы о вооружении торговых судов и нападениях их на подводные лодки.

В долгой истории британского адмиралтейства, этого кастового военного учреждения, вероятно, не было случая, чтобы иностранцу, а тем более вчерашнему врагу, разрешалось рыться в военных архивах. И с какой целью? Чтобы с помощью офицеров адмиралтейства найти документы, которые спасли бы престиж германского флота, пиратствовавшего на морях и пустившего ко дну многие сотни британских торговых судов, уничтожившего за время второй мировой войны сорок тысяч английских моряков.

Как ни странно, помощник доктора Кранцбюллера фрегатен—капитан Меккель в Лондон поехал и свою задачу выполнил. Он привез и передал шефу множество документов с адмиралтейским штампом «Top secret» («Совершенно секретно»). Ну, а тот, разумеется, предъявил их суду.

Приказы адмиралтейства предписывали, насколько это возможно, вооружать торговые суда, чтобы они не оказались беззащитными при встрече с нацистскими подводными лодками. Предусматривалось также оборудование британских торговых судов аппаратурой для пуска глубинных бомб.

Можно спорить, теряют ли право на неприкосновенность торговые суда, будучи вооруженными. Английские власти объясняли необходимость оборонительного вооружения торговых судов во второй мировой войне тем, что нацистский подводный флот, умножая разбойничьи традиции кайзеровского флота, превратил море в арену пиратского разбоя. В данном случае речь идет, однако, не о том.

Когда доктор Кранцбюллер оглашал на процессе документы, добытые в Лондоне его помощником, некоторые иностранные журналисты с полным основанием говорили, что само британское адмиралтейство бросило спасательные круги бывшим руководителям германского флота. Да и только ли оно? С равным правом то же самое можно было сказать о его американских коллегах.

В один из дней процесса, поднимаясь в зал суда, я заметил в коридоре двух американских морских офицеров, беседовавших о чем—то с доктором Кранцбюллером. Позднее, читая дневник Джильберта, мне довелось узнать, что это были адъютанты американского адмирала, присутствовавшего на процессе. Адмирал направил их к Кранцбюллеру, чтобы передать свое мнение. Он считал поведение Деница, как главнокомандующего германским военно-морским флотом во время второй мировой войны, с точки зрения международного права безупречным и

выражал ему свое уважение. Одновременно в знак этакой солидарности американские коллеги рады были поделиться с бывшим судьей германского флота, взявшим на себя защиту Деница и Редера[2], одной великолепной мыслью: надо от имени Деница запросить через Международный военный трибунал главнокомандующего американским военно-морским флотом на Тихом океане адмирала Нимица, как вели себя американские подводники в отношении японских торговых судов? Кранцбюллера заверили при этом, что ответ будет обнадеживающим для подсудимых и обескураживающим для обвинителей: американская практика на Тихом океане была такой же, как германская в Атлантике.

Доктор Кранцбюллер и его подзащитные не заставили долго ждать. От имени Деница был составлен вопросник на имя Нимица. Этот документ обсуждается в организационном заседании трибунала, которое особенно запомнилось мне, ибо в ходе его случилась весьма досадная для меня неприятность.

Дело в том, что с самого начала судьи решили: организационные заседания не будут стенографироваться. Это было необходимо для того, чтобы члены трибунала чувствовали себя здесь абсолютно свободными в выражении своих позиций. Секретари делегаций четырех держав могли присутствовать на этих заседаниях. Я лично не пропустил ни одного из них и, отдавая себе отчет в историческом значении процесса, вел краткие записи всего происходящего там. Вел до поры до времени. Но как раз к концу того заседания, на котором рассматривалось ходатайство Деница, судья Биддл, зло посмотрев в мою сторону, заявил председательствовавшему лорду Лоренсу:

— Ваша честь, мы ведь, кажется, давно договорились, что наши организационные заседания не будут стенографироваться.

— А в чем, сэр Фрэнсис, вы усматриваете нарушение нашего постановления? Насколько я могу судить, в этой комнате нет стенографистки, — ответил Лоренс.

— Да, но майор Полторак все время что—то записывает...

Это был конец моим записям, хотя я не видел в них нарушения судейского запрета. И кто бы мог тогда подумать, что тот самый человек, который упрекал меня за мои записи, усмотрев в них неуважение к правилу, принятому судьями, впоследствии окажется единственным из судей, кто полностью раскрыл тайну совещательной комнаты.

Достигнув почти восьмидесятилетнего возраста, Фрэнсис Биддл решил, что пора оставить потомству свои впечатления о делах мирских, о прожитом и пережитом. Он написал два тома

мемуаров. Определенная часть их посвящена деятельности автора на посту члена Международного трибунала. И здесь он во всех деталях рассказывает, что имело место за плотно закрытыми дверьми, когда судьями закладывались первые камни в основание будущего приговора.

Фрэнсис Биддл не скрывает, что сам он всячески настаивал на оправдании Деница. Настаивал настолько бескомпромиссно, что даже его заместитель Джон Паркер, который в течение всего процесса во всем поддерживал своего принципала, в конце концов выступил против него.

В связи с этим мне вспомнилась и другая сцена. Как сейчас, вижу медленно поднимающегося со стула американского обвинителя сэра Дэвида Максуэлла Файфа.

— Господа судьи, — говорит Файф, — доводы, которые приводит доктор Кранцбюллер, сводятся к тому, что для решения вопроса о квалификации действий Деница необходимо быть уверенным в том, что практика Соединенных Штатов Америки в подводной войне отличалась от той, которой придерживалось германское морское командование. По мнению обвинения, это не относится к делу... Вопрос о том, нарушали ли Соединенные Штаты законы и обычаи ведения войны, совершенно не относится к разбираемому здесь делу...

Но американский судья Биддл придерживается иного мнения. Он явно солидаризируется с Кранцбюллером и в книге своей не скрывает симпатий к последнему. Фрэнсис Биддл пишет:

«Кранцбюллер отвечал на возражения обвинителя искусно, спокойно, убедительно, с холодной рассудительностью, которая могла бы раздражать его оппонентов».

И дальше заявляет, что сам он «как только мог убедительно доказывал» основательность ходатайства Кранцбюллера:

«Я сказал, что мы будем выглядеть дураками, если окажется, что Нимиц тоже торпедировал (торговые суда) без предупреждения».

Биддл не скрывает, что советские судьи решительно протестовали против удовлетворения этого ходатайства. «Русские были уверены, что мы понапрасну теряем время — ведь трибуналу уже хорошо известно, что произошло на море во время второй мировой войны».

Французский судья, как вспоминает Биддл, «взглянул на англичан, пожал плечами» — решайте, мол, вы вместе с американцами. Биддл «потребовал личной привилегии — ведь это был американский вопрос». И по его настоянию трибунал разрешил защите направить опросный лист адмиралу Нимицу.

Прошло некоторое время. Прибыл ответ. Защита сразу же

воспользовалась им.

Кранцбюллер. Я предъявляю в качестве доказательства документ № Д—100. Это данные под присягой показания американского адмирала Нимица относительно подводной войны Америки против Японии. Трибуналу уже известно, что я хочу доказать этим документом. Мне сейчас не нужно его оглашать, так как в своей защитительной речи я остановлюсь на нем.

Председатель. Трибунал хотел бы, чтобы документ был зачитан...

И Кранцбюллер удовлетворяет это желание. Он читает прямо оригинал, исполненный на английском языке:

«По требованию Международного военного трибунала следующий опросный лист был направлен 11 мая 1946 года... Адмирал Нимиц был допрошен представителем отдела международного права прокуратуры США в департаменте военно-морского флота капитан—лейтенантом Л. Бродериком, который записал показания данного свидетеля...

Вопрос. Ваша фамилия, ваше звание и занимаемая вами должность?

Ответ. Честер В. Нимиц, адмирал флота ВМФ США, начальник оперативного штаба военно—морского флота Соединенных Штатов.

Вопрос. Какие посты вы занимали в военно-морском флоте Соединенных Штатов, начиная с декабря 1941 г. до 1945 г.?

Ответ. Я был командующим Тихоокеанским флотом Соединенных Штатов.

Вопрос. Вели ли Соединенные Штаты морскую войну против Японии? Объявлялись ли Соединенными Штатами какие—либо районы районами боевых операций, районами морской блокады, районами, опасными или ограниченными для плавания и т. п.?

Ответ. Да. С целью проведения боевых операций против Японии определенные районы Тихого океана были объявлены театром военных действий.

Вопрос. Принимая во внимание ваш утвердительный ответ, было ли принято, чтобы подводные лодки атаковали без предупреждения все торговые суда, замеченные в этих водах, кроме своих собственных судов и кораблей союзных флотов?

Ответ. Да, за исключением госпитальных судов и других кораблей, находившихся под охраной соответствующих разделов правил ведения войны на море.

Вопрос. У вас был приказ действовать именно таким образом?

Ответ. Начальник .оперативного штаба военно—морского флота 7 декабря 1941 года дал приказ о ведении неограниченной

подводной войны против Японии».

Давайте немного отвлечемся и перенесемся в ФРГ.

Через 20 лет доктор Кранцбюллер публикует свои воспоминания и проливает слезу: уж так притесняли в Нюрнберге защиту, уж в такие тяжелые условия ее ставили, что в сущности сводили на нет. Особенно сетует автор на то, что адвокаты якобы «не имели доступа к архивам».

«Для защиты, — пишет он, — очень важно было получить доступ к материалам, относящимся к ведению войны на море, которые находились в архивах британского адмиралтейства... Американские и английские обвинители возражали: если позволить каждому защитнику вести самостоятельные поиски в архивах, то будет создан прецедент... Такое отношение можно сравнить с ситуацией, когда защищаешь купца без права заглянуть в его конторские книги».

И это осмеливается утверждать тот, чей помощник получил разрешение рыться в секретных архивах британского адмиралтейства, кому разрешили послать опросный лист адмиралу Нимицу и кто получил из Америки ответ, содержавший все требовавшиеся ему данные. Однако Кранцбюллера постигла участь многих других фальсификаторов истории. Его изобличает стенографический отчет Нюрнбергского процесса. Вот что в действительности сказал тогда английский обвинитель Файф по поводу ходатайства адвокатуры:

«Я сам добивался того, чтобы помощник д-ра Кранцбюллера мог поехать в Лондон и не спеша посмотреть эти документы в адмиралтействе. Это изложено в нашем письменном ответе. Я полагаю, что такого рода отношение обвинения к этому вопросу является лучшим свидетельством помощи обвинения защите в получении необходимых для нее материалов».

А теперь вернемся в зал нюрнбергского Дворца юстиции. Там развертываются события весьма значительные.

Оглашению ответов Нимица больше всех обрадовались, конечно, гросс—адмиралы. Нежданно—негаданно они получили полную индульгенцию.

22 мая 1946 года, во время завтрака, Дениц поделился своими восторгами с тюремным врачом:

— Вы знаете, доктор, что Нимиц сказал? Он признал, что на всем пространстве Тихого океана американский флот проводил неограниченную морскую войну. Это замечательный документ!

Но возник вопрос, примет ли трибунал такой документ в качестве доказательства и какую даст ему оценку?

Кранцбюллер осторожен. Огласив показания Нимица, он ни в чем не упрекает американское командование. Скорее, наоборот.

Что из того, если американские подводные лодки не оказывали помощи тонувшим японским морякам? Адвокат считает: в сложных условиях современной войны иначе и быть не может.

И приказ Деница о расстреле на поверхности моря пытающихся спастись английских моряков — тоже в порядке вещей. Разве американский флот на Тихом океане поступал иначе? Вот пусть судьи познакомятся лишь с одним эпизодом, воспроизведенным в газете «Фелькишер беобахтер» по известным журналам Соединенных штатов Америки «Ньюсуик» от 15 марта и «Лайф» от 22 марта 1943 года.

«Сражение окончилось настоящей бойней. Утром 4 марта 1943 года в море севернее Новой Гвинеи плавало много японцев, оставшихся в живых, в спасательных лодках, челнах и на плотах. Эскадрильи союзников безжалостно расстреливали их самолетным оружием. Когда один американский генерал услышал, что несколько сот японцев было замечено в спасательных лодках, он коротко заявил: «Прикажите подняться еще одному соединению истребителей для того, чтобы мы подстрелили еще несколько японцев».

Вывод, который отсюда напрашивался, состоял лишь в одном — действия германского флота по методу ничем не отличались от действий американского флота. Редер и Дениц не прибегали к чему—либо такому, перед чем останавливалось бы американское командование на Тихом океане. Но ведь и мысли ни у кого не возникало судить американских адмиралов. А раз так, то не будет ли единственно справедливым, предать забвению все, о чем так много говорили обвинители в отношении Редера и Деница?

Нет, не будет! И вот почему.

Если верить Редеру и Деницу, то применявшиеся ими методы неограниченной подводной войны явились как бы ответом на нарушение международного права Британией, которая вооружила свои торговые суда и поручила им определенные разведывательные функции. Именно поэтому гросс—адмиралы и предписали топить такие корабли.

А в самом деле? Когда германское командование могло установить, что британские торговые суда будут прибегать к вооруженному сопротивлению подводным лодкам и другим несвойственным торговому флоту действиям? Очевидно, не раньше того, как развернулись военные действия на море. Приказ же о тотальной войне на море готовился, в сущности, еще до начала вооруженного столкновения между Германией и Англией, ибо 3 сентября 1939 года он уже был подписан. И, как помнит читатель, Редер не скрывал тогда, что, применив методы, предусмотренные в этом приказе, «Германия открыто нарушит

протокол 1936 года...» Он подчеркивал, что успех в морской войне может быть достигнут лишь при условии «если подводным лодкам разрешат неограниченное использование оружия, и без предупреждения». Причем речь шла не только о торговых судах противника, но даже и о судах нейтральных государств.

Начальник оперативного отдела штаба военно-морского флота адмирал Вагнер уже в ходе Нюрнбергского процесса тоже признал, что на огромных морских пространствах, объявленных Германией военной зоной, «не нужно было считаться с нейтральными судами», немецкие подводники «топили суда всех нейтральных стран...»

Не ясно ли после всего этого, что германский военно-морской флот нарушал международное право вне всякой зависимости от предпринятого британскими властями вооружения части своего торгового флота.

А ссылка на ответы адмирала Нимица? Она не более убедительна. В определенном смысле слова это просто жульническая махинация. Ведь уже хорошо известно, что основные преступные приказы Редера и Деница были изданы в 1939—1941 годах, т. е. в период, когда США являлись еще нейтральным государством. Позволительно спросить, на что бы сослалась защита, если бы гросс—адмиралы были схвачены и посажены на скамью подсудимых в конце 1941 года? Где бы тогда искала она (и искала ли!) адмирала Нимица?

Когда адмирал Нимиц и его флот только начали действовать на Тихом океане, господа Редер и Дениц уже сделали все, чтобы предстать перед Международным трибуналом в Нюрнберге.

Те, кто с таким сочувствием подсказал Кранцбюллеру идею привлечения в свидетели адмирала Нимица, отлично понимали, что это просто шулерский трюк. Они ведь сами — люди военные, знали многое и, видимо, не забыли «Атению», не могли забыть многих тысяч американских моряков, пиратски потопленных по мановению руки Редера или Деница. Надо же, чтобы после всего этого их осенила в Нюрнберге единственная мысль — призвать на помощь гитлеровцам американского адмирала!

Допускаю возражение: напрасно, мол, мечете гром и молнии, ведь Международный военный трибунал принял ответы Нимица и в конечном итоге этот документ послужил главным основанием для оправдания гросс—адмиралов по обвинению в потоплении торговых судов. Да, действительно, все произошло так.

Тем не менее да будет мне, как юристу, позволено высказать свою точку зрения о приговоре Международного трибунала в отношении Редера и Деница.

То, о чем мне хочется сказать, выходит далеко за пределы их

личной судьбы. Это касается уже судьбы важнейших принципов международного права. Принципов справедливости и гуманности.

В речах адвокатов на Нюрнбергском процессе я слышал термин — tu quoque, что в переводе с латинского на русский означает — «как и другой». А суть дела сводилась к следующему: если нарушитель международного права докажет, что его противник совершал в ходе войны такие же действия, то обвинение снимается в отношении обеих сторон. Именно такого решения добивался Кранцбюллер. И добился!

Вряд ли я снова должен здесь свидетельствовать свою лояльность в отношении приговора Международного военного трибунала. Я считаю, что в целом он является выдающимся вкладом в борьбу с фашизмом, в борьбу за мир, прогрессивное развитие международного права. Но, как уже говорилось, документ этот не свободен от недостатков. Наиболее существенные из них отмечены в «Особом мнении» советского судьи и встретили глубокое понимание общественности. Есть и другие недостатки, о которых можно спорить. Сейчас это даже настоятельно необходимо, поскольку кое—кто на Западе стремится использовать их в интересах реакции, в интересах милитаризма.

Линия защиты, к которой прибег Кранцбюллер, вдохновила не только Деница и Редера, но и некоторых других подсудимых. Читатель, наверное, не забыл, как ответил Иодль на вопрос английского обвинителя Робертса о варварских бомбардировках немецко—фашистской авиации. Он парировал обвинение ссылкой на бомбардировку англо—американской авиацией Дрездена.

А вот к трибуне направляются адвокаты Шпеера и Заукеля. Эти тянут ниточку дальше. Бомбила американская авиация германские города? Погибали при этом немецкие рабочие? Образовывалась таким образом нехватка в рабочей силе? Так как же можно после этого обвинять Заукеля и Шпеера в том, что они сгоняли с оккупированных территорий людей на принудительные работы в Германию?

Теми же бомбардировками с воздуха уничтожались немецкие заводы и фабрики, наносился ущерб военно—экономическому потенциалу Германии. Значит, не следует обвинять Геринга и Шпеера в том, что они демонтировали заводы на оккупированных территориях и свозили оборудование в свою страну.

Вот ведь куда вел на практике принцип «как и другой»!

И подобно доктору Кранцбюллеру, защита других подсудимых тоже, будто черт от ладана, бежала от сопоставления некоторых дат.

В самом деле, когда начались массированные бомбардировки

Германии англоамериканской авиацией? Примерно в 1943 году и еще больше в 1944. А когда нацистское правительство начало ограбление оккупированных территорий и угон мирного населения? С первого дня войны, в 1939 году. Уже в июне 1939 года гитлеровцы планировали использование в интересах войны заключенных из «отечественных концлагерей» и мирных жителей из других стран.

В январе 1940 года одной из директив ОКВ предписывалось перебрасывать с Востока «дешевые рабочие руки сотнями тысяч, используя их в течение нескольких лет в старой империи и, таким образом, препятствуя их естественному биологическому размножению». В результате к 1943 году, т. е. до начала массированных налетов англо—американской авиации, в Германию было уже свезено из разных оккупированных стран свыше 5 миллионов мужчин, женщин и детей.

Таким образом, попытка поставить потери от бомбардировок рядом с преступной практикой грабежа оккупированных территорий и угона с них мирного населения не выдерживала никакой критики. Напротив, если уж говорить исторически обоснованно, то как раз в те годы, когда осуществлялся этот массовый грабеж и угонялись миллионы людей в Германию, именно немецко—фашистская авиация господствовала в воздухе и разрушала мирные города соседних государств.

Надо отдать справедливость Международному трибуналу: он без труда разгадал нечестные приемы защиты и признал Геринга, Заукеля, Шпеера и многих других виновными и в ограблении оккупированных территорий, и в массовом угоне населения на каторжный труд. Заукель только за это и был приговорен к повешению. Тем более нелогичным было принимать в расчет ответы Нимица и на основании их снимать справедливое обвинение с нацистских гросс—адмиралов.

Посмотрим на это с позиции общих интересов международного права, интересов борьбы с военными преступлениями в будущем.

Какой вывод надо сделать из решения трибунала, освободившего Редера и Деница от ответственности за некоторые незаконные методы ведения морской войны со ссылкой на ответы Нимица? Он напрашивается сам собой: для международного права создается весьма опасная ситуация — любое его нарушение может быть признано ненаказуемым на том основании, что кто—то, где—то или когда—то совершил такое же нарушение. Таким образом, речь идет, по существу, о безнаказанности международных преступлений на основе своеобразной взаимной амнистии. Совершенно очевидно, что такой принцип, признанный

в качестве универсального, сделал бы ничтожными любые нормы международного права.

С горечью следует признать, что эта часть приговора вызвала похвалу тех, кто давно подкапывается под основные устои международного права, кто в гуманных законах и обычаях войны видит препятствие для произвола в войне. Такие деятели считают, что в Нюрнберге не только с Деница и Редера снято обвинение в применении преступных методов морской войны, но оправданы и сами эти методы. Апостолы тотальной войны убеждены, что впредь уже никто не сможет обвинять командиров подводных лодок в том, в чем обвинялись Дениц и Редер. Их поведение стало нормой.

Дело Деница и Редера — это пример того, как иногда право вынуждено отступать перед военным произволом. Не случайно несколько позже, когда американский военный трибунал судил гитлеровского адмирала Шнивиндта, последний был оправдан с прямой ссылкой на приговор Международного трибунала в Нюрнберге.

Главный советский обвинитель Р. А. Руденко, учитывая тяжесть совершенных Редером преступлений, требовал осуждения его к смертной казни. Международный трибунал ограничился пожизненным заключением.

Деница трибунал приговорил к десяти годам лишения свободы, и это решение не могло не вызвать удивления. Ведь трибунал признал, что «Дениц активно участвовал в ведении агрессивной войны». Хорошо известно, сколько миллионов людей погибло в ней, сколько стран было разорено, сколько городов превращено в прах. Уже одно это обвинение исключало столь мягкий приговор.

Но Международный трибунал признал Деница виновным и в других преступлениях: в варварских актах потопления нейтральных судов на море, в запрещении спасать утопающих, в расстрелах военнопленных, в использовании рабского труда. Надо ли доказывать, что человек, совершивший столь тяжкие преступления, не мог рассчитывать на столь снисходительное отношение к себе Международного трибунала.

Тем не менее даже и в отношении Редера и Деница главная задача процесса была достигнута. Рассмотрение этого дела в Международном трибунале, предъявление обвинителями массы доказательств раскрыли перед немецким народом, перед народами всего мира подлинное лицо гросс—адмиралов.

notes

Примечания

1

Кодовое название плана нападения Германии на Норвегию.

2

В том, что касалось обвинения в незаконных методах морской войны, Кранцбюллер защищал и Деница и Редера. — Прим. автора.